

**ПРОБЛЕМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ЧИСТЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УБЫТКОВ
В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ <*>**

А.А. КОПЯКОВ

<*> Автор выражает благодарность доктору юридических наук, профессору кафедры гражданского права и процесса юридического факультета НИУ ВШЭ (СПб) Александру Петровичу Сергееву за ценные замечания в процессе подготовки работы.

Копяков А.А., магистрант Российской школы частного права, младший юрист "Томашевская и партнеры".

Статья посвящена категории чистых экономических убытков. Автор определяет правовое содержание феномена, проводит историко-догматический и политико-правовой анализ. Отдельное внимание уделяется особенностям возмещения чистых экономических потерь. Работа заканчивается анализом функционирования института в российском гражданском праве.

Ключевые слова: чистые экономические убытки, правило о невозмещении, абсолютные и относительные права, конкуренция исков, интервенция в договорные отношения.

The Problem of Recovery of Pure Economic Loss in Russian Civil Law

A.A. Kopyakov

Kopyakov A.A., Graduate Student, Russian School of Private Law, Junior Associate, "Tomashevskaya & Partners".

The article is dedicated to the category of pure economic loss. The author determines legal standing of the phenomenon, analyzes it from historical, dogmatical and legal policy perspective. Special mention is made of the reimbursement of pure economic loss. The article concludes with the analysis of the institute in context of Russian civil law.

Key words: pure economic loss, exclusionary rule, absolute and relative rights, concurrence of actions, intervention to the contractual relations.

Alterum non laedere

1. Введение

В последнее время довольно часто можно услышать, что российская правовая система переживает период кризиса <1>. Отечественное гражданское право сравнивается с достижениями зарубежной цивилистической мысли, в результате чего констатируется его значительное отставание. Большую популярность получило противопоставление российского правопорядка иным, "развитым" <2>.

<1> См., например: Карапетов А.Г. Политика и догматика гражданского права: исторический

очерк // Вестник экономического правосудия РФ. 2010. N 4. С. 11 - 12.

<2> См., например: Суханов Е.А. [Сравнительное корпоративное право](#). М.: Статут, 2014. С. 7; Карапетов А.Г. [Экономический анализ права](#). М.: Статут, 2016. С. 106.

Несмотря на то что отечественная цивилистика действительно переживает не лучшие времена, во многих подотраслях гражданского права заметен значительный прогресс. Появляются серьезные работы, посвященные институтам неосновательного обогащения, недействительности сделок, свободе договора и пр. Молодые ученые затрагивают научные проблемы, не обсуждавшиеся ранее, - российская цивилистика постепенно догоняет западную.

Иначе обстоят дела с теорией гражданских правонарушений. Отечественное деликтное право остается малоразвитым, российская наука и практика существенно отстают в этом вопросе. Практически отсутствуют научные работы, посвященные актуальным проблемам деликтного права. Изучение деликтов в университетах ограничивается одним или несколькими занятиями, а в учебной литературе соответствующая проблематика обычно уместается на 20 - 70 страницах <1>. Для сравнения: в западных странах ежегодно переиздаются многостраничные издания, посвященные обязательствам из деликтов <2>, не утихают научные споры, касающиеся условий осуществления гражданских правонарушений и пределов ответственности за них. В университетах идет преподавание полноценных курсов деликтного права.

КонсультантПлюс: примечание.

[Учебник "Гражданское право: В 2 т." \(том 2\) \(под ред. Б.М. Гонгало\) включен в информационный банк согласно публикации - Статут, 2018 \(3-е издание, переработанное и дополненное\).](#)

<1> См., например: [Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 506 - 527](#); [Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 1074 - 1139](#); [Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 5 - 73.](#)

<2> См., например, переиздаваемое 900-страничное пособие по деликтному праву Великобритании: McBride N.J., Bagshaw R. [Tort Law. 6th ed.](#) Harlow; New York: Pearson Education Ltd., 2018; серию научных исследований, посвященных деликтному и страховому праву: [Tort and Insurance Law Series](#), насчитывающую 36 томов.

Отношение к вопросу возмещения чистых экономических убытков отлично иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Уже несколько десятков лет указанная проблема находится на острие юридических споров в зарубежной литературе, посвященной ответственности за деликт <1>. Чистые экономические убытки называют "самой сложной частью учения о деликтной ответственности" <2>, а некоторые страны даже интегрируют это понятие в свое законодательство <3>. Напротив, российское деликтное право практически не знает обсуждаемой категории. Подавляющее большинство юристов никогда не слышали о рассматриваемом понятии, а количество отечественных научных работ на эту тему остается чрезвычайно скудным <4>.

<1> Bussani M., Palmer V.V. [The Notion of Pure Economic Loss and its Setting // Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 3.](#)

<2> Burrows A. [Understanding the Law of Obligations: Essays on Contract, Tort and Restitution.](#)

Oxford: Hart Publishing, 1998. P. 213. Цит. по: Туктаров Ю.Е. [Чисто экономические убытки](#) // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2006. С. 2.

<3> Например, в праве Швеции понятие чистых экономических убытков закреплено в разд. 2 п. 1 Акта о деликтной ответственности (*skadeståndslagen*) 1972 г.

<4> Так, на момент подготовки исследования проблеме чистых экономических убытков было посвящено всего четыре научных работы, написанных российскими авторами.

В последнее время проблема компенсации чистых экономических убытков в российском праве актуализировалась. Это связано с появлением сразу нескольких решений ВС РФ, предусматривающих их возмещение <1>. Складывающаяся по рассматриваемому вопросу принципиально новая судебная практика, несомненно, требует теоретической оценки.

<1> Определения ВС РФ от 22 мая 2017 г. по делу [N A51-273/2015](#) (дело "Бомарше"), от 11 мая 2018 г. по делу [N 306-ЭС17-18368](#) (дело "Магадан Тест"), от 5 марта 2019 г. по делу [N 305-ЭС18-15540](#) (дело "Де Джилетт Бат Компани").

Таким образом, настоящее исследование призвано:

1) акцентировать внимание отечественной доктрины на особенностях малоизученного феномена "чистых экономических убытков", раскрыв его содержание и определив место в гражданском праве;

2) определить правовую природу чистых экономических убытков, критически рассмотрев критерии, лежащие в основе их обособления;

3) рассмотреть особенности компенсации таких убытков и проанализировать основные возражения, связанные с допустимостью их возмещения;

4) проанализировать, как компенсация чистых экономических убытков отражается в актуальной судебной практике, и определить перспективы дальнейшего развития ответственности за них.

2. Краткий обзор отечественной литературы

На сегодняшний день феномену чистых экономических убытков посвящено всего четыре работы на русском языке <1>. Первая из них - статья Ю.Е. Туктарова 2006 г. <2>, которая представляет собой редуцированный перевод фрагментов классической работы под редакцией М. Буссани (**Mauro Bussani**) и В.В. Палмера (**Vernon Valentine Palmer**) <3>. Статья содержит множество неточностей и весьма поверхностный анализ проблемы, в связи с чем не может претендовать на звание глубокого и актуального исследования.

<1> С учетом возросшей популярности рассматриваемой темы к моменту публикации количество работ могло измениться.

<2> Туктаров Ю.Е. [Указ. соч.](#) С. 138 - 168.

<3> Книга "**Pure Economic Loss in Europe**" под редакцией **M. Bussani** и **V.V. Palmer** представляет собой многостраничное компаративное исследование проблемы возмещения чистых экономических убытков в европейских правовых системах. На сегодняшний день указанная работа - основной и наиболее масштабный труд, посвященный затрагиваемой проблеме.

Следующая работа - девятистраничное сравнительное исследование Д.Е. Богданова 2012 г. <1>. Автор, используя классификацию, предложенную в той же работе под редакцией Буссани и Палмера, показывает различные подходы к компенсации чистых экономических убытков в зарубежном праве, стараясь определить место российской правовой системы применительно к одному из них. В силу краткости содержания работа представляет собой ознакомительный обзор и не содержит значимых практических выводов.

<1> См.: Богданов Д.Е. [Анализ правовых подходов](#) к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. N 3. С. 82 - 91.

Третья работа - статья Д.Ю. Затоновой 2017 г. <1>. Исследование посвящено проблеме деликтной ответственности судебного эксперта как носителя специальных знаний, которая может возникать в том числе в результате причинения чистых экономических убытков. Несмотря на небольшой объем (около девяти страниц), автору удается последовательно проанализировать поставленную проблему и предложить применимые практические решения. Тем не менее феномен чистых экономических убытков, не являясь основным акцентом исследования, раскрывается весьма ограниченно, в основном применительно к условиям ответственности эксперта. Кроме этого, работа содержит краткий экономический анализ, который очевидно заслуживает более развернутого изложения.

<1> См.: Затонова Д.Ю. [К вопросу о деликтной ответственности](#) судебного эксперта // Арбитражные споры. 2017. N 3. С. 111 - 121.

Наиболее свежая и одновременно самая объемная работа - исследование Р.Р. Лугманова, опубликованное в феврале 2019 г. <1>. По сравнению с предшествующей, по большей части описательной отечественной литературой эта работа подходит к проблеме чистых экономических убытков в российском праве гораздо основательнее, предлагая качественный догматический анализ и ряд **de lege ferenda** рекомендаций.

<1> См.: Лугманов Р.Р. [Деликтное право как средство взыскания](#) чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. N 2. С. 115 - 153.

Первое очевидное преимущество - использование автором основ методологии экономического анализа применительно к деликтному праву. В качестве базовой посылки берется утверждение, что "человеческая деятельность принципиально предрасположена к тому, чтобы быть вредоносной" <1>, из чего следует, что далеко не каждое причинение вреда должно рассматриваться законодателем в качестве упречного и подлежащего наказанию. Таким образом автор обозначает, что существует колоссальный пласт поведенческих моделей, которые, несмотря на негативный эффект, следует признать допустимыми. Особенность поведения, влекущего чистые экономические убытки, состоит в том, что оно зачастую находится на границе между допустимым и наказуемым.

<1> [Там же](#). С. 118.

Помимо методологических отличий автор предлагает восьмизвенную <1> классификацию ситуаций, при которых возникают чистые экономические убытки, тем самым иллюстрируя

многогранный характер проблемы и расширяя его по сравнению с предыдущими работами. Исследование сопровождается качественным компаративным анализом и завершается характеристикой элементов юридического состава ответственности за деликт в российском правовом порядке.

<1> На момент написания работы указанная классификация типовых ситуаций, при которых могут возникать чистые экономические убытки, - наиболее обширная в отечественной литературе.

Констатируя отсутствие в отечественном деликтном праве инструментария для полноценного возмещения чистых экономических потерь, но в то же время осознавая вызванную этим несправедливость, автор полагает, что эффективная защита пострадавшего субъекта может быть достигнута с помощью концепции **охраняемого законом интереса** <1>, которая позволяет компенсировать вред при отсутствии нарушений субъективного права <2>.

<1> Кроме того, что указанная концепция представляет интерес и свидетельствует о прогрессе по сравнению с предыдущими работами, она также соответствует мейнстриму зарубежных правовых порядков, в которых прошла реформа деликтного права. Подробнее см.: Евстигнеев Э.А. [Принцип генерального деликта](#): современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. N 4. С. 45 - 83; N 5. С. 55 - 84.

<2> Как будет показано ниже, причинение финансовых потерь в отсутствие нарушения субъективного права традиционно выделяется в литературе в качестве одного из квалифицирующих признаков чистых экономических убытков.

В процессе подготовки настоящего исследования в отечественной литературе появилось несколько новых статей, посвященных деликтной ответственности, в которых также упоминается феномен чистых экономических убытков <1>. В связи с тем, что проблема их возмещения в указанных работах не является основной, эти исследования не подлежат развернутой характеристике.

<1> Белов В.А. [Что такое предвидимость?](#) // Закон. 2019. N 3. С. 33 - 46; Ягельницкий А.А. [О тенденциях судебной практики по делам об убытках](#) // Закон. 2019. N 3. С. 47 - 55.

Несмотря на постепенную актуализацию рассматриваемой темы, очевидно, что в теории отечественного деликтного права, особенно применительно к вопросу чистых экономических убытков, имеются существенные пробелы, а большинство существующих в этой области российских исследований не могут похвастаться ни значительностью объема, ни глубиной содержания.

3. Категория чистых экономических убытков

Принимая во внимание неразвитость и существенное отставание отечественной цивилистической теории применительно к вопросу чистых экономических убытков, целесообразно подробнее рассмотреть указанное понятие.

Для начала я остановлюсь на его содержательной стороне и выделю общие черты, используемые в зарубежной литературе для характеристики явления в качестве чистых экономических убытков. Установив содержание понятия, я рассмотрю возможные варианты его терминологического выражения и попытаюсь определить, насколько термин "чистые

экономические убытки" подходит для описания рассматриваемых правовых явлений.

3.1. Содержание понятия

Что же представляют собой чистые экономические убытки? По указанию М. Буссани и В.В. Палмера, сделанному в 2003 г, "общепризнанного определения "чистых экономических убытков" никогда не существовало" <1>. Спустя 16 лет с момента написания работы универсальное определение по-прежнему не сформулировано. Полагаю, что эта ситуация обусловлена двумя основными причинами.

<1> Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 4.

Во-первых, она вызвана концептуальными различиями в частном праве разных правовых систем. Так, принято считать, что проблема чистых экономических убытков не связана с традиционным делением правопорядков на континентальные и англосаксонские - явление характерно для правовых систем обоих типов <1>. Сложившаяся ситуация не позволяет использовать одинаковый инструментарий для выработки общей дефиниции: юристы разных правопорядков изначально поставлены в неравные условия. Так, для систем континентального права характерно определение чистых экономических убытков через категорию абсолютных прав, в то время как, например, юристы стран общего права с аналогичным значением этой категории незнакомы, следовательно, не могут использовать такое определение в научных работах.

<1> Ibidem.

Во-вторых, сложность создания универсальной дефиниции обусловлена тем, что проблема чистых экономических убытков проявляется в разных правовых институтах, которые традиционно рассматриваются как независимые друг от друга. Так, известный австрийский цивилист Х. Коциоль (**Helmut Koziol**) отмечает, что вопрос компенсации чистых экономических убытков размывает привычные для нас границы между деликтной и договорной ответственностью <1>. В российском правопорядке проблема более глубокая: под вопросом оказываются сразу несколько устоявшихся догматических положений <2>.

<1> Unification of Tort Law: Wrongfulness / Ed. by H. Koziol. The Hague; Boston: Kluwer Law International, 1998. P. 25. Цит. по: Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 17.

<2> Нужно сделать две дополнительные ремарки относительно столь смелого заявления. Во-первых, в силу того, что высказанный тезис однозначно нуждается в доказывании, ему посвящен § 4.4.2 настоящей работы. Во-вторых, в некоторых зарубежных правопорядках указанная проблема уже была теоретически осмыслена, а в некоторых - и вовсе не возникала.

В любом случае отсутствие универсальной дефиниции не мешает определить общие черты, которые обычно выделяются исследователями проблемы чистых экономических убытков. Тем более что крупный массив зарубежной литературы демонстрирует наличие сформированного консенсуса применительно к содержанию понятия.

Так, под чистыми экономическими убытками в основном понимают финансовые потери субъекта, которые не являются следствием предшествующего ущерба его личности или повреждения принадлежащего ему имущества. Считается, что чистые экономические убытки, в

отличие от "классических" убытков, нельзя охарактеризовать в качестве денежного эквивалента, который назначается судом в качестве компенсации за физически поврежденное благо. Иногда, характеризуя рассматриваемое понятие, говорят о таких потерях субъекта, которые не являются следствием нарушения его абсолютных прав <1>.

<1> Указанное определение применимо лишь для тех правовых систем, включая российскую, которые признают существование абсолютных (**erga omnes**) прав. Кроме того, что такое определение не может рассматриваться в качестве универсального, я не считаю его концептуально верным, на чем подробно останавливаюсь в § 4.4.2.

Для того чтобы понять, о чем идет речь, уместно проиллюстрировать причинение чистых экономических убытков несколькими базовыми примерами:

Пример 1. А (правонарушитель) разрушает забор вокруг земельного участка, который находится в пользовании В (арендатор) и в собственности С (арендодатель). Очевидно, что в результате неправомерного действия нарушено право собственности С, тем не менее ни личность, ни имущество В не пострадали. Убытки В - чисто экономические.

Пример 2. А (правонарушитель) проводит бурильные работы, во время которых повреждает электрический кабель принадлежащий В (энергоснабжающая компания). В результате С (производственная компания) лишается электричества и приостанавливает работу, вследствие чего терпит убытки. Имеет место повреждение имущества В. Убытки С в виде неполученной прибыли - чисто экономические.

Пример 3. А (водитель) нарушает ПДД, что приводит к аварии, в результате которой автомобиль А блокирует троллейбусную линию. В результате этого троллейбусы не могут осуществлять перевозку граждан в соответствии с расписанием, что приводит к упущенной выгоде В (ГУП, занимающееся перевозкой пассажиров). Убытки В - чисто экономические.

Пример 4. А (аудитор) готовит аудиторское заключение для В (собственник компании). На основе этого заключения С (покупатель) приобретает компанию, принадлежащую В. Впоследствии выясняется, что аудитор существенно переоценил стоимость активов компании, в связи с чем С заплатил за ее приобретение более высокую цену. По итогам невыгодной сделки С понес чистые экономические убытки.

Кроме этого требование возмещения чистых экономических убытков может быть закреплено в законодательстве. Наиболее очевидные примеры из российского права - это институт преддоговорной ответственности (**culpa in contrahendo**), закрепленный в ст. 434.1 ГК РФ, а также требование возмещения вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ).

Во всех приведенных примерах, с одной стороны, имеют место финансовые потери, но с другой - отсутствует причинение физического вреда личности или повреждение имущества потерпевшего. Таким образом, чистые экономические убытки можно определить как финансовые потери, понесенные субъектом, но не являющиеся следствием повреждения его личности или имущества.

Суть рассматриваемой категории емко передается высказыванием "Чистые экономические убытки поражают только кошелек потерпевшего и ничего больше" <1>.

<1> Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 6. Здесь и далее перевод мой.

3.2. Терминологические особенности

Установление содержания понятия и выделение его основных признаков дает базовое представление о предмете. Этот минимальный набор знаний позволяет оценить адекватность и целесообразность предлагаемой дефиниции.

Понятие "чистые экономические убытки" представляет собой перевод английского термина "**pure economic loss**". Альтернативный и более приемлемый вариант перевода - "чистые экономические потери". Во-первых, он является более точным, так как "убытки" в смысле понесенного финансового ущерба, подлежащего возмещению, в англоязычной литературе традиционно обозначаются как "**damages**", а слово "**loss**" означает именно "потери" - менее определенную категорию, обозначающую последствие уменьшения имущественной массы.

Во-вторых, использование термина "убытки" влечет возникновение ассоциаций с понятием, закрепленным в законодательстве <1>. В результате у читателя с юридическим образованием складывается впечатление, что речь идет о каком-то **sui generis** явлении - особом виде убытков или специальном способе их расчета. Хотя на самом деле это не так: чистые экономические убытки - это обычные "классические" убытки <2>.

<1> [Статья 15](#) ГК РФ.

<2> Подробное обоснование этого тезиса приведено в [разд. 4](#) исследования.

При обсуждении чистых экономических убытков нередко говорят о неудачности используемого определения и предлагают различные альтернативы <1>. Можно ли с учетом выявленных недостатков говорить о необходимости замены этого термина? Использование вместо него понятия "чистые экономические потери" представляется вполне приемлемым, так как помимо перечисленных выше достоинств оно соответствует англоязычному первоисточнику, знакомо отечественной доктрине <2>, нередко используется в качестве синонимичного, а также налицо очевидная созвучность.

<1> См., например: Тамаев Р. Тезисы к научно-практическому круглому столу "Чистые экономические убытки в российском праве (case-study)". С. 1 // https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Tamaev.pdf. Для знакомства с альтернативными дефинициями, предлагаемыми в зарубежных правовых порядках, см.: Restatement (Second) of Torts § 766 - 766C; Silverstein E. On Recovery in Tort for Pure Economic Loss // University of Michigan Journal of Law Reform. 1999. Vol. 32. Iss. 3. P. 403 - 439.

<2> Так, указанная дефиниция используется в работах Д.Е. Богданова, Р.Р. Лугманова, посвященных рассматриваемой проблематике.

С другой стороны, замена "чистых экономических убытков" на иную дефиницию по типу "финансовые потери" нежелательна. Дело в том, что в отечественной теории, несмотря на ее неразвитость, сформировался консенсус: все источники говорят о чистых экономических убытках (потерях). Иное определение рассматриваемого явления, во-первых, потребует дополнительного обоснования. Во-вторых, что более важно, альтернативное определение, обладающее существенными преимуществами, пока что не было предложено.

Таким образом, целесообразнее всего использовать термин "чистые экономические потери". С учетом того, что в литературе понятие чистых экономических убытков (потерь)

приобрело конвенциональный характер, использование дефиниции "чистые экономические убытки" также можно признать приемлемым, но лишь с учетом дополнительных пояснений. В этой работе оба термина используются в качестве синонимичных.

4. Правовая природа чистых экономических убытков

Для изучения чистых экономических потерь недостаточно получить базовое представление об их содержании. Для полноценного осмысления правовой категории необходимо интегрировать ее в систему юридических знаний, определить ее место в доктрине и правовой догматике, иными словами, установить правовую природу.

При определении юридической природы рассматриваемого явления я останавливаюсь на распространенных заблуждениях, которые вызваны неполным пониманием признаков чистых экономических потерь и влекут использование неточных дефиниций.

Дополнительное внимание уделено особенностям правовой природы благ, нарушаемых в результате причинения чистых экономических потерь, так как именно характер повреждаемых благ чаще всего используют в качестве признака, квалифицирующего убытки как чисто экономические.

4.1. Соотношение с категорией убытков в гражданском праве

Одним из наиболее распространенных заблуждений, связанных с категорией чистых экономических потерь, является классификация их в качестве особого (самостоятельного) вида убытков. Как отмечалось выше, к такой неточности исследователей подталкивает не вполне удачная дефиниция <1>. В частности, Ю.Е. Туктаров утверждает: "Некоторые европейские системы... до сих пор не рассматривают чистые финансовые или денежные потери как самостоятельный вид убытков" <2>.

<1> См. § 3.2 работы.

<2> Туктаров Ю.Е. [Указ. соч.](#) С. 2.

Обосновывая выделение чистых экономических потерь в качестве отдельного вида убытков, Ю.Е. Туктаров говорит об особенной природе вреда, противопоставляя экономический вред физическому. Указание на то, что чистые экономические убытки отличаются тем, что они не являются следствием физического повреждения субъекта или имущества, используется во многих работах <1>. Тем не менее это замечание является верным лишь отчасти.

<1> См., например, относительно **reiner Vermögensschaden** : van Gerven W. et al. Tort Law: Scope of Protection. Oxford: Hart Publishing, 1998. P. 43. Цит. по: Туктаров Ю.Е. [Указ. соч.](#); Затонова Д.Ю. [Указ. соч.](#)

Во-первых, допустимо причинение нематериального вреда, который очевидно не является физическим в строгом смысле (например, моральный ущерб), но в то же время этого недостаточно для того, чтобы охарактеризовать его в качестве чистых экономических потерь <1>. В связи с этим вместо упоминания отсутствия физического вреда, причиненного **субъекту**, целесообразно говорить об отсутствии причинения вреда **личности потерпевшего** <2>.

<1> Подробнее о внеэкономической природе морального вреда см.: Koziol, Haftpflichtrecht I³ по 2/102 ff. Цит. по: Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание) // Вестник гражданского права. 2018. N 1. С. 216.

<2> В указанном контексте "личность" понимается как сфера, охватывающая жизнь, здоровье, а также нематериальные блага субъекта, в отношении которых лицо обладает юридической неприкосновенностью.

Во-вторых, существуют разновидности чистых экономических убытков, вызванные причинением физического вреда, однако непосредственный ущерб в таких случаях несет лицо, отличное от субъекта, понесшего чистые экономические потери <1>. Таким образом, при характеристике чистых экономических убытков недостаточно указать на отсутствие повреждения имущества. Точнее говорить, что чистые экономические потери не являются следствием повреждения **имущества, принадлежащего потерпевшему**.

<1> Например, в случаях, когда А (нарушитель) причиняет смерть лицу В (должник), в результате чего убытки в размере невозвращенного долга терпит С (кредитор), или в ситуации, когда А (нарушитель) повреждает вещь, принадлежащую В (собственник) и находящуюся в пользовании С (арендатор), который в результате терпит чистые экономические убытки.

Почему же чистые экономические потери отсутствуют там, где имеет место причинение вреда личности потерпевшего или принадлежащему ему имуществу? Дело в том, что при наличии указанного ущерба возникшие убытки являются его прямым следствием и представляют собой денежный эквивалент, который назначается судом в качестве компенсации за нарушение указанных благ. Такие убытки признаются косвенными экономическими потерями (**consequential economic loss**) (далее - косвенные убытки, косвенные потери) <1>.

<1> Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law. London; New York Routledge-Cavendish, 2008. P. 11.

Напротив, чистые экономические потери (**pure economic loss**) имеют место в тех случаях, когда охраняемые законом материальные блага потерпевшего (личность, собственность) не нарушаются, но страдает его имущественная сфера. Однако необходимо иметь в виду, что субъект может претерпеть такой сугубо (чисто) экономический вред и в результате причинения физического ущерба личности или имуществу третьего лица <1>. Иначе говоря, характер вреда, в итоге влекущий наступление чистых экономических потерь, может соответствовать ущербу, влекущему косвенные потери. В связи с этим утверждение о том, что выделение чистых экономических убытков основано на особой природе вреда, ошибочно.

<1> См. сн. 1.

Кроме этого, анализ конкретных примеров показывает, что неверно вести речь об особом виде убытков наравне с реальным ущербом и упущенной выгодой. Чистые экономические потери могут возникать как в виде понесенных расходов, так и неполученного дохода. Попытки найти критерий разграничения в особом порядке подсчета (негативный или позитивный интерес), а также в правовом основании возникновения (деликт/договор и пр.) также не дают результатов: чистые экономические потери охватывают все перечисленные категории. Таким образом, с точки зрения правовой природы принципиальные различия между чистыми экономическими убытками и косвенными экономическими убытками отсутствуют.

4.2. Инструментальный характер типизации убытков

Как было отмечено в предыдущем параграфе, основной критерий разграничения чистых экономических и косвенных убытков заключается в наличии/отсутствии в их основании вреда личности или имуществу потерпевшего. Тем не менее указанный критерий является скорее инструментальным (техническим), нежели правовым. Сравним две ситуации <1>.

<1> Рассматривая приведенные ситуации, я оставляю в стороне вопрос возможности возмещения. Моя основная цель - выявить принципиальные отличительные особенности феномена или констатировать их отсутствие.

Пример 1: А (нарушитель) уничтожает движимую вещь, принадлежащую В (собственник). В терпит косвенные убытки в размере стоимости вещи.

Пример 2: А (конкурент) открывает бизнес, который совпадает по роду деятельности с бизнесом В (предприниматель). Часть клиентов В отказываются от сотрудничества с ним и начинают пользоваться услугами А. В терпит чистые экономические убытки в размере упущенной выгоды.

В обеих приведенных ситуациях лицо В претерпевает уменьшение имущественного благосостояния в результате действий субъекта А. В обоих случаях можно допустить возможность судебной защиты лица В при наличии всех элементов юридического состава ответственности. Разница между двумя ситуациями - сугубо фактическая и проявляется в том, каким образом ухудшение экономического положения материализуется в окружающей действительности.

Указанные рассуждения и приводят к выводу, что "основной критерий", который к тому же используется в юридической науке для формулирования определений, является скорее инструментальным, нежели правовым. Не являясь принципиально новой юридической категорией, чистые экономические потери лишь охватывают отдельные случаи ухудшения имущественного состояния, представляя собой обычные убытки.

Несмотря на то что юридическая природа чистых экономических убытков не имеет принципиальных отличий от косвенных потерь, мало кто берется прямо утверждать, что эти явления тождественны. В следующих параграфах я рассмотрю, как разницу между убытками, являющимися следствием повреждения личности или имущества потерпевшего, и убытками, негативный эффект которых ограничивается уменьшением экономического благосостояния без повреждения иных благ, пытаются охарактеризовать с точки зрения правовых категорий.

4.3. Критерий ограничения ответственности

Характеризуя чистые экономические потери, различные авторы помимо констатации исключительно финансового характера делают акцент на проблеме ответственности за них. Популярна идея, что в отношении чистых экономических убытков действует общее правило о недопустимости компенсации (**exclusionary rule**) <1>, <2>. Указанное правило используется некоторыми исследователями в качестве квалифицирующего признака, позволяющего проводить различия между чистыми экономическими и косвенными экономическими убытками.

<1> См., например: Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting; Benson P. The Basis for Excluding Liability for Economic Loss in Tort Law // Philosophical Foundations of Tort Law / Ed. by D.G. Owen. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 427 - 455, а также работы российских

авторов.

<2> Необходимо иметь в виду, что "правило о возмещении" в первую очередь характерно для чистых экономических убытков, причиненных по неосторожности. Принципиальная допустимость компенсации умышленных чистых экономических потерь вопросов не вызывает. Подробнее об этом см. § 4.4.3.

Не оценивая возможность компенсации чистых экономических потерь (этой проблеме посвящен [разд. 5](#) работы), отмечу, что допустимость гражданско-правовой ответственности за ухудшение экономического состояния не может предопределять правовую природу феномена. Использование подобной методологии представляет собой логическую ошибку. Имущественные последствия не становятся убытками в силу того, что за них предусмотрена ответственность. Напротив, ответственность есть следствие причинения убытков и наличия прочих элементов юридического состава и (или) политико-правовых соображений.

Абсурдность попыток правовой квалификации финансовых потерь через допустимость их компенсации подтверждается тем, что в случае эксплицитного установления в законе ответственности за причинение убытков, которые долгое время признавались чистыми экономическими, их правовая природа должна измениться, несмотря на то, что и действия причинителя, и последствия этих действий остались прежними.

Таким образом, критерий невозможности компенсации не может быть признан в качестве квалифицирующего признака выделения чистых экономических потерь в самостоятельную правовую категорию.

4.4. Особенности юридического состава

Некоторые исследователи, характеризуя чистые экономические потери, стараются обнаружить их квалифицирующий признак в особенностях юридического состава ответственности за них <1>.

<1> При таком подходе юридический состав ответственности рассматривается не применительно к вопросу наличия совокупности всех элементов, что позволит осуществить возмещение. Напротив, элементы состава анализируются по отдельности с целью установления их особенностей, позволяющих обосновать правовую природу феномена.

Универсальный характер изучаемой проблемы, а также тот факт, что чистые экономические убытки часто становятся предметом сравнительных исследований и рассматриваются через призму вопросов международной нормативной гармонизации, позволяют провести анализ юридического состава без привязки к положениям конкретного правопорядка. Принимая во внимание вариативность подходов к условиям ответственности, господствующих в различных правовых традициях, я проанализирую лишь те критерии чистых экономических потерь, которые выделяются компаративистами в качестве общих, без углубления в отличительные особенности конкретных правовых систем.

Очевидно, что, когда речь идет об убытках, вред, т.е. неблагоприятные последствия имущественного характера, имеет место в любом случае, так как вред и убытки по сути явления тождественные <1>. Следующий элемент - вина в силу субъективного характера имеет значение применительно к вопросу допустимости компенсации убытков в конкретной ситуации. Для различия между чистыми экономическими и косвенными убытками наличие и форма вины индифферентны. Наиболее значимыми элементами в этом вопросе являются противоправность и причинно-следственная связь между действиями ответчика и имущественным ущербом.

<1> См., например: Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание). С. 215.

4.4.1. Причинно-следственная связь

Интерес представляет следующая особенность причинно-следственной связи, которая, по мнению некоторых авторов, позволяет разграничить косвенные и чистые экономические потери <1>. Утверждается, что при причинении косвенных убытков их причина (действия ответчика) и следствие (финансовый ущерб) поражают сферу интересов (**patrimony**) одного и того же субъекта <2>. Так, ответчик, разрушая движимую вещь, принадлежащую истцу, причиняет ему финансовый вред. Причинная связь между действиями ответчика и ущербом истца как бы находится в рамках единой (принадлежащей одному субъекту) сферы интересов.

<1> Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 6 - 7. На особенность причинной связи применительно к чисто экономическим убыткам обращается внимание и в других работах. См., например: Dari-Mattiacci G., Schafer H.B. The Core of Pure Economic Loss // International Review of Law and Economics. 2007. Vol. 27. Iss. 1. P. 25.

<2> Понятие "сфера интересов" в указанном контексте я использую в качестве эквивалента понятия "**patrimony**", наиболее адекватный перевод которого - совокупность всех благ субъекта, подлежащих правовой защите.

При нанесении чистых экономических потерь их причина и следствие, напротив, касаются сфер интересов разных субъектов. В причинно-следственной связи как бы появляется дополнительное звено в виде нового субъекта (его сферы интересов). Негативные финансовые последствия, причиненные ответчиком, отдаляются от непосредственного результата его действий. Это наглядно прослеживается в ситуации, когда ответчик лишает жизни лицо, на иждивении которого находится истец, в связи с чем истец заявляет требование о компенсации убытков, вызванных потерей кормильца. В этом примере причинная связь усложняется: уменьшение имущественной массы истца является следствием причинения вреда третьему лицу (родителю/опекуну).

Развивая эту идею, можно сказать, что причинение действиями ответчика финансового ущерба истцу не напрямую, а посредством вмешательства в сферу интересов третьего лица прерывает причинную связь для целей правоприменения <1>. Суды западных стран часто рассматривают причиненные таким образом чистые экономические убытки в качестве слишком удаленных от действий ответчика (**too remote**), а также ссылаются на отсутствие их предвидимости, в итоге отказывая в компенсации <2>. Это является одной из причин выделения упоминавшегося ранее правила об отказе в возмещении чистых экономических потерь (**exclusionary rule**).

<1> Очевидно, что естественная (фактическая) причинно-следственная связь в подобных примерах имеет место. Речь идет о разрыве законной (нормативной) причинно-следственной связи, который в итоге приводит к отказу в компенсации экономических потерь. Подробнее о концепциях "естественной" и "законной" причинно-следственной связи см.: Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание).

<2> Подробнее об этих критериях см.: Березина Е.А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников

Результатом указанных рассуждений является следующая идея о правовой природе изучаемого феномена. Выделение чистых экономических убытков в отдельную категорию основано на особом (более сложном и многозвенном) характере причинно-следственной связи между действиями причинителя и имущественными потерями потерпевшего. В силу этой особенности суды по общему правилу признают причинную связь недостаточной (прерванной) и отказывают в возмещении. Напротив, когда речь идет о косвенных экономических убытках, где причинная связь более простая, принципиальная возможность компенсации вопросов не вызывает.

Несмотря на то что попытка разграничить чистые экономические и косвенные убытки на основе различий в причинной связи представляет интерес, она обладает рядом существенных недостатков.

Во-первых, эту идею нельзя признать универсальной. Принимая во внимание многообразие ситуаций, при которых могут возникать чистые экономические потери, попытка выделения единых признаков юридического состава ответственности за них - задача едва ли выполнимая. Многие виды чистых экономических убытков обладают индивидуальными особенностями, в связи с чем говорить о единых обобщающих критериях можно лишь с высокой степенью условности. Попытка применить критерий "сложной причинности" к другим типам чистых экономических убытков показывает негодность предложенного признака в качестве обобщающего.

Пример 1: А (советчик) дает В (покупатель) совет приобрести определенные ценные бумаги с целью их последующей перепродажи по более высокой цене. После приобретения В ценных бумаг их стоимость резко падает. Покупатель несет чистые экономические потери, вызванные небрежным советом.

Пример 2: А (продавец) и В (покупатель) ведут переговоры о продаже сломанного рояля. Покупатель заявляет, что будет готов приобрести музыкальный инструмент сразу после того, как продавец его отремонтирует. После того как продавец приводит рояль в рабочее состояние, покупатель отказывается заключать договор, заявляя, что более не заинтересован в покупке. Продавец несет чистые экономические убытки в размере стоимости ремонта.

В обоих случаях лицо несет чистые экономические потери, несмотря на то что субъект, повлекший их причинение, оказывает на потерпевшего непосредственное воздействие. Иначе говоря, причинно-следственная связь между действиями первого лица (дача совета, обещание приобрести актив) и убытками второго не выходит за пределы сферы интересов одного субъекта. И ожидание прибыли, и итоговый финансовый ущерб возлагаются на одно лицо, следовательно, в причинной связи не появляется дополнительное звено в виде сферы интересов третьего лица.

Эти примеры показывают, что ситуации возникновения чистых экономических потерь очень разнообразны и не охватываются выявленной закономерностью "сложной причинности". В связи с этим необходимо констатировать, что наблюдение о сложном характере причинной связи действительно отражает особенности многих ситуаций, при которых возникают чистые экономические потери. Тем не менее выявленная закономерность не может использоваться в качестве критерия, обосновывающего их правовую природу. Элементарные правила формальной логики подсказывают нам, что частное не может быть квалифицирующим признаком общего. Ввиду чрезвычайно разнообразного характера особенности юридического состава ответственности за чистые экономические потери надлежит рассматривать отдельно применительно к их конкретным видам.

Кроме того, что рассматриваемый критерий не является универсальным, очевидна его чрезмерная формализация. Напомню, в его основе лежит идея о том, что чистые экономические

убытки, в отличие от косвенных, не являются следствием влияния действий причинителя на имущественную массу и личность потерпевшего. В результате утверждается, что причинная связь является многозвенной, прерванной для целей правоприменения наличием сферы интересов (**patrimony**) третьего лица, что по общему правилу влечет невозможность присуждения компенсации.

Действительно, с формально-юридической точки зрения причинная связь между негативным экономическим эффектом, возложенным на одно лицо, и причинением вреда другому лицу отсутствует. Следовательно, нет оснований для возмещения убытков, причиненных при таких обстоятельствах. Догматические положения строго разделяют защищаемую сферу разных правовых субъектов, облачая ее в категорию абсолютных прав <1>. В формальной юридической реальности лицо считается потерпевшим не в тех случаях, когда ухудшилась его экономическая позиция, а когда нарушено его право. Следуя этой логике, становится понятно, почему причинение вреда имуществу или личности одного лица не рассматривается в качестве причины нарушения юридической неприкосновенности другого лица, которое несет негативные имущественные последствия. В результате строго формального подхода действие, нарушающее право одного лица (причинение смерти родителю/опекуну), не может быть причиной убытков у другого лица (ребенка/подопечного), так как абсолютное право последнего не нарушено.

<1> Указанная особенность в первую очередь характерна для стран континентальной правовой семьи.

Указанный пример показывает, что экономическая реальность вступает в противоречие с юридической методологией. При лишении жизни родителя (нарушении его права на жизнь) действительно формально-юридически отсутствует нарушение прав ребенка. Тем не менее очевидно, что действия убийцы повлекли существенное ухудшение его экономического благосостояния. Осознавая указанные противоречия в юридическом и экономическом восприятии действительности, а также имея в виду социальную значимость рассматриваемых отношений, законодатель вводит статутную норму, позволяющую требовать возмещения вреда, понесенного в случае потери кормильца (ст. 1088 ГК РФ) <1>.

<1> Правовые нормы, защищающие аналогичный интерес, есть в большинстве правовых систем.

Закрепление юридической монополии на собственную личность и имущество посредством концепции абсолютных прав неизбежно приводит к тому, что юридические последствия нарушения указанных благ переносятся исключительно их обладателями, т.е. управомоченными лицами. Иными словами, из противопоставимого (**erga omnes**) характера абсолютных прав вытекает не только то, что они защищаются против всякого и каждого, а следовательно, доступны только их обладателю (управомоченному лицу), но и то, что последствия их нарушения поражают лишь их носителя. Таким образом, формально-юридически нарушение абсолютного права одного лица не оказывает влияния на другого субъекта.

Очевидно, что строгое следование такому подходу не соответствует социально-экономической реальности. Современный мир характеризуется колоссальной взаимозависимостью интересов субъектов. Профессор школы права Университета Торонто П. Бенсон (**Peter Benson**) отмечает: "Тот факт, что каждый индивид, находясь где-либо, использует различные внешние объекты, в результате чего он сам или его имущество становится связанным с этими объектами таким образом, что воздействие на них затрагивает сферу его интересов, является неизбежным следствием существования в современном мире" <1>.

<1> Benson P. Op. cit. P. 443.

В связи с этим, если посмотреть на феномен чистых экономических убытков взглядом, свободным от формально-юридических оков, становится очевидным, что критерий сложной причинной связи не позволяет охарактеризовать чистые экономические убытки в качестве самостоятельной правовой категории. Несмотря на то что в некоторых случаях причина таких убытков (действия причинителя) затрагивает личность или имущество одного лица, а последствия (экономический ущерб) возлагаются на другое лицо, эти убытки все равно являются следствием поведения причинителя, хотя и более опосредованным. Таким образом, правовая природа чистых экономических потерь не имеет принципиальных отличий от категории косвенных убытков. Это в очередной раз подтверждает, что деление убытков на чистые экономические и косвенные экономические является по большей части техническим (вспомогательным). Такая классификация не обособляет различные правовые явления, а лишь способствует стройности системы и упрощает изучение феномена.

4.4.2. Противоправность

Среди исследователей проблемы чистых экономических потерь широкую популярность приобрел тезис о том, что такие потери не являются следствием нарушения абсолютных прав пострадавшего. Утверждается, что если ни личность, ни имущество потерпевшего не пострадали, то его абсолютные права не нарушены, а возникший убыток не имеет под собой правового основания. Этот критерий многими воспринимается в качестве квалифицирующего, позволяющего разграничить чистые экономические и косвенные убытки. Можно встретить определения чистых экономических потерь, выработанные на его основе. Несмотря на популярность указанного критерия, он, на мой взгляд, обладает рядом существенных недостатков.

Во-первых, он, как и рассматриваемый выше критерий "сложной причинности", не является универсальным. Концепция абсолютных прав знакома странам романо-германской правовой семьи, но неизвестна в аналогичном значении странам общего права. Несмотря на это, категория чистых экономических потерь в странах общего права выделяется <1>.

<1> Несмотря на отсутствие в странах англосаксонской правовой семьи категории абсолютных прав в привычном для континентального юриста значении, в них все равно защищаются те же права, которые традиционно рассматриваются в качестве абсолютных в странах романо-германской ветви (личные неимущественные и вещные права). Получается ситуация, при которой чистые экономические убытки считаются возникшими при нарушении одних и тех же прав, но одни правопорядки признают их в качестве абсолютных, а другие - нет. Таким образом, указанная проблема не является критичной. Тем не менее она свидетельствует о низкой ценности критерия "отсутствия нарушения абсолютных прав" в сравнительно-правовом ключе.

Во-вторых, применение указанного критерия требует рассматривать категорию абсолютных прав в качестве строго ограниченной, устойчивой и не подлежащей изменению. При ином подходе к абсолютным правам рассматриваемый критерий лишается смысла. Так, в соответствии с ним если некий интерес субъекта, нарушение которого влечет чистые экономические убытки, будет объявлен абсолютным правом, то указанные убытки перестанут быть чистыми экономическими. Очевидно, что с учетом приведенной выше характеристики чистых экономических потерь это не соответствует действительности. Изучаемая категория выделяется не исходя из наличия/отсутствия нарушения абсолютного права, а на основе причинения вреда

исключительно финансовому положению потерпевшего, которое не сопровождается покушением на его личность или материальное имущество.

Более подробное обращение к концепции абсолютных прав показывает, что классическая идея об их ограниченном характере не подкрепляется достаточными догматическими положениями, а кроме этого не соответствует политико-правовому запросу в отношении роли права в современном обществе. На основе указанных тезисов я выдвигаю гипотезу, которая сводится к следующему:

1) классический взгляд на абсолютные права рассматривает эту категорию слишком узко;

2) существует ряд благ, повреждение которых является нарушением абсолютных прав, несмотря на то, что правопорядок их таковыми не признает;

3) с учетом того, что при нарушении указанных благ констатируется причинение чистых экономических потерь, можно прийти к выводу, что критерий "отсутствия нарушения абсолютного права" непригоден для обоснования правовой природы явления.

Следующим логическим шагом после выдвижения гипотезы должна быть ее проверка.

В соответствии с господствующими представлениями доктрины категория абсолютных прав охватывает вещные права, личные неимущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации <1>. В европейских правопорядках, знакомых с категорией абсолютных прав, сложился консенсус относительно абсолютного характера указанных благ. За редкими исключениями, перечень абсолютных прав исчерпывается указанными благами, следовательно, признается закрытым <2>. Чтобы определить, насколько такое ограничение перечня соответствует многообразию человеческих интересов, необходимо обратиться к понятию абсолютного права, установить его принципиальные особенности.

<1> См., например: Российское гражданское право: [учебник](#): в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е.А. Суханова. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 123; Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 114.

<2> См.: Сеницын С.А. Закрытый перечень абсолютных прав в законодательстве и доктрине некоторых государств континентальной Европы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. N 2. С. 203 - 225.

Под абсолютным правом понимается юридически обеспеченная возможность реализации интереса, обеспеченная запретом третьим лицам препятствовать его реализации <1>. Так, в основе выделения категории лежит критерий характера интереса <2>. В случае с абсолютными правами управомоченное лицо реализует интерес самостоятельно, без помощи третьих лиц. Абсолютному праву коррелирует обязанность всех третьих лиц воздерживаться от учинения препятствий управомоченному лицу.

<1> Указанная дефиниция выработана мной на основе критериев, подробно рассмотренных в кандидатской диссертации А.О. Рыбалова. См.: Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

<2> Некоторые специалисты в качестве критерия выделения абсолютных прав ссылаются на субъектный состав, утверждая, что при реализации абсолютного права управомоченное лицо

находится в правоотношении с неограниченным кругом третьих лиц. При более подробном рассмотрении характера правовой связи становится очевидным, что указанный критерий является лишь следствием особого характера интереса. См. там же. С. 64.

При установлении критерия, лежащего в основе выделения категории абсолютных прав, неизбежно возникает вопрос: почему перечень благ, признаваемых абсолютными, является настолько ограниченным? Неужели отсутствуют дополнительные интересы, характер реализации которых соответствует критерию абсолютности? Полагаю, что такие интересы все-таки существуют, а отсутствие у них статуса абсолютных прав можно объяснить следующим причинами.

Во-первых, концепция абсолютных прав традиционно развивалась и достигла максимальной проработки в вопросе соотношения с правами относительными. Большинство теоретических споров касалось именно критерия, лежащего в основании указанной дихотомии <1>. Вопрос конкретного круга интересов, подлежащих защите в качестве абсолютных, не получил должного внимания в литературе. В связи с этим возникла ситуация, при которой выработанный критерий особого характера интереса позволяет установить существо благ (абсолютное или относительное), но не устанавливает их круг.

<1> Вопрос критерия, лежащего в основе разделения прав на относительные и абсолютные, много лет является предметом многочисленных споров. Можно с иронией отметить, что определенное видение проблемы соотношения двух юридических категорий высказал почти каждый уважающий себя цивилист. См., например: Белов В.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2012. С. 11; Васьяковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 259; Гамбаров Ю.С. Обязательства с точки зрения общественной теории права (начало) // Юридический вестник. 1879. № 8. С. 194; Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М.: Зерцало-М, 2003. Т. 1. С. 619 и пр. Цит. по: Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права: сравнительно-правовое исследование: Монография. М.: Юриспруденция, 2015. С. 23.

Во-вторых, нельзя забывать, что возможность признания чего-либо абсолютным правом - инструмент в руках условного регулятора <1>, используемый для предоставления защиты тем или иным частным интересам. Использование регулятором этого инструмента зависит от особенностей конкретного исторического периода, влияния технического прогресса, преобладания в обществе конкретных типов конфликтов и пр. Иными словами, признание блага абсолютным правом всегда опирается в вопрос целесообразности и правовой политики. В связи с этим существование благ, не признаваемых абсолютными, несмотря на то, что интерес, лежащий в их основе, соответствует критерию "абсолютности", может быть обусловлен тем, что степень угрозы таким благам не достигла достаточной актуальности. Иначе говоря, суд или законодатель не признает определенную группу интересов абсолютным правом, так как не видит угрозы их осуществлению или не считает указанную угрозу достаточной.

<1> В зависимости от конкретной правовой системы таким "регулятором" может выступать законодательный или судебный орган.

Иллюстративным примером указанного довода является история появления в XX в. в Германии "права на основание и ведение коммерческого предприятия" (**Recht am eingerichteten und ausgeübten Gewerbebetrieb**) <1>. Положения Германского гражданского уложения (далее - ГГУ) не содержат прямого указания на существование указанного права. Несмотря на это, Верховный имперский суд, а вслед за ним и другие суды признали его наличие. В основании

такого решения лежит, с одной стороны, неполнота текста ГГУ применительно к вопросу благ (абсолютных прав), подлежащих деликтной защите, а с другой - появление большого количества нарушений, которые перечнем, закрепленным в ГГУ, не охватывались.

<1> Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право. М.: Междунар. отн., 2011. С. 608 - 609.

Речь идет о нарушениях, влекущих причинение чистых экономических убытков. Так, "право на основание и ведение коммерческого предприятия" считалось нарушенным в тех случаях, когда ответчик делал публичные заявления относительно бизнеса истца, которые не соответствовали действительности и в итоге влекли экономический ущерб. "Такой вопрос возникает, например... когда предприниматель утверждает, что качество его продукции занижается журналом, посвященным экспертизе потребительских товаров, или подвергается предвзятым нападкам в телепередаче" <1>.

<1> Там же.

Этот пример, во-первых, иллюстрирует принципиальную "подвижность" перечня абсолютных прав. Он не является **a priori** неизменным и в случае необходимости может быть скорректирован.

Во-вторых, он показывает, что суд в состоянии расширить перечень абсолютных прав, исходя из политико-правовых соображений. Так, абсолютное право было "искусственно" распознано судебным органом в тот момент, когда в результате прогрессивного развития и усиления конкуренции в обществе актуализировался новый тип конфликтов, а правопорядок начал признавать нарушаемый при таких конфликтах интерес в качестве юридически значимого.

Принимая во внимание указанные наблюдения, можно прийти к выводу, что принципиальные препятствия к выделению в правопорядке дополнительных абсолютных прав отсутствуют. В связи с этим возникает вопрос: что мешает по аналогии с выделением "права на основание и ведение коммерческого предприятия" в Германии признавать другие интересы, нарушение которых влечет возникновение чистых экономических потерь, абсолютными правами? Представим ситуацию.

Пример: Гражданин А ведет переговоры о заключении выгодного для него соглашения с гражданином В. Переговоры ведутся в бизнес-центре. Однако в результате того, что в соседнем помещении гражданин С открыл стрельбу в воздух, переговаривающиеся разбежались. Гражданин В отказался продолжать какие-либо переговоры в отношении сделки. Заключение договора было безвозвратно сорвано. Гражданин А понес чистые экономические убытки в размере упущенной выгоды.

Традиционный формальный взгляд на ситуацию призывает утверждать, что, несмотря на стрельбу в соседнем помещении, ни одно абсолютное право гражданина А не нарушено. Это закономерно влечет отказ в правовой защите. Теперь представим, что гражданин С (стрелок) знал о том, что в соседнем помещении ведутся важные переговоры, и открыл стрельбу специально, чтобы не позволить гражданину А заключить выгодную сделку <1>. Очевидно, что в случае умышленного причинения убытков даже таким специфичным способом справедливо предоставить возмещение гражданину А за счет гражданина С.

<1> Например, можно представить, что гражданин С (стрелок) был конкурентом гражданина А.

С учетом приведенных выше аргументов я не вижу принципиальных препятствий, чтобы в рассматриваемой ситуации признать нарушенным абсолютное право истца, например, на "свободу переговорных возможностей". А принимая во внимание тот факт, что существование права не может зависеть от формы вины, которой сопровождалось его нарушение, необходимо признать его наличие в случае как умышленного, так и неосторожного воздействия на сознание субъекта посредством стрельбы.

Очевидно, что приведенная ситуация весьма редуцирована и является лишь моделью, которая позволяет наглядно продемонстрировать принципиальную допустимость выделения дополнительных абсолютных прав. Более глубокий анализ различных видов чистых экономических потерь позволит обнаружить группы ситуаций, при регулировании которых использование такого метода будет более целесообразно.

В качестве аргументов в пользу возможности и целесообразности расширения перечня благ, подлежащих абсолютной правовой защите, можно дополнительно указать следующее.

Во-первых, идея об исключительно ограниченном перечне абсолютных прав, несмотря на ее высокую популярность, часто подвергается сомнению. Некоторые авторы рассматривают эту идею "не как императивное предписание законодателя, а скорее как общее правило, из которого возможны исключения" <1>.

<1> Сеницын С.А. Закрытый перечень абсолютных прав в законодательстве и доктрине некоторых государств континентальной Европы. С. 216.

Так, С.А. Сеницын, демонстрируя условный характер признания прав абсолютными, утверждает: "Видовое, отраслевое и содержательное разнообразие юридических отношений, относимых учеными на разных этапах к абсолютным правам, достаточно наглядно демонстрирует отсутствие однородной первоосновы социальных отношений, которая могла бы быть опосредована единым методом и средствами правового регулирования, способствующими формированию обособленной системы абсолютных прав, где каждое из субъективных прав могло рассматриваться как органический элемент такой системы и в своем содержании исчерпываться характеристикой абсолютности" <1>.

<1> Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права: сравнительно-правовое исследование: Монография. С. 460.

Во-вторых, категория абсолютных прав является "подвижной" в зарубежных правовых системах. Помимо рассмотренного выше "права на основание и ведение коммерческого предприятия" в Германии в качестве абсолютного судебная практика выделяет отсутствующее в законе "право ожидания" (**Anwartschaftsrecht**), которое обеспечивает будущие правомочия и интересы приобретателя относительно вещи <1>. Так, в случае причинения такой вещи ущерба нарушенным признается не только право собственности продавца, но и интерес покупателя, подлежащий защите в результате нарушения "права ожидания". Кроме этого, в современном голландском праве ведется дискуссия о признании абсолютного характера за правом покупателя, приобретшего вещь по договору с условием о временном сохранении права собственности за продавцом <2>.

<1> Синицын С.А. Закрытый перечень абсолютных прав в законодательстве и доктрине некоторых государств континентальной Европы. С. 213.

<2> Там же. С. 217.

В-третьих, современный мир характеризуется появлением новых благ, подлежащих абсолютной правовой защите. С одной стороны, это связано с интенсивным развитием технологий <1>, а с другой - с эволюцией правовой мысли, начинающей распознавать такие интересы, которые ранее не рассматривались в качестве нуждающихся в защите <2>.

<1> В качестве примера можно привести вопрос о существовании абсолютного права у обладателя доменного имени.

<2> Например, появление в 2015 г. в [ГК РФ](#) норм о преддоговорной ответственности (**culpa in contrahendo**).

По итогам сказанного можно прийти к выводу, что теоретические воззрения на категорию абсолютных прав, как на нечто неизменное, устарели. Существуют случаи нарушения субъективных благ, которые не признаются абсолютными правами, но заслуживают абсолютной защиты. Несправедливость ситуации, при которой нарушение указанных благ остается в сфере "правового вакуума", постепенно осознается многими правопорядками. Свидетельством этого является то, что многие современные законодательства в результате реформы вводят в деликтное право категорию интереса <1>. "Каучуковый" характер этой категории расширяет судебное усмотрение и позволяет суду осуществлять защиту тех благ, которые законодатель прямо не назвал абсолютными. Аналогичный эффект может быть достигнут без ссылки на нарушение интереса, а посредством признания рассматриваемых благ абсолютными правами.

<1> Так, например, такое законодательное решение было принято в Аргентине и Китае. Кроме того, оно получило закрепление в проекте изменений во французский **Code civil**, подготовленном под руководством Терре (**Terre**), и нескольких проектах международных правовых актов, включая Европейские принципы деликтного права (**PETL**) и Модельные [правила европейского частного права \(DCFR\)](#). Подробное описание предпосылок такого решения разработчиков приведено в работе Э.А. Евстигнеева (Евстигнеев Э.А. [Указ. соч.](#)). См.: Principles of European Tort Law: Text and Commentary. Wien: Springer, 2005; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nolke et al. // http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf.

Вопрос границ допустимого расширения категории абсолютных прав, а также соотношение роли суда и законодателя в указанном процессе выходят за рамки темы исследования. В этом параграфе я старался доказать, что интересы, нарушение которых влечет чистые экономические потери, могут быть зафиксированы в правопорядке посредством признания как минимум некоторых из них абсолютными правами. Полагаю, что с учетом приведенных примеров и аргументов эту цель можно считать достигнутой, а гипотезу, выдвинутую в начале [параграфа](#) - подтвержденной.

Сформулированные положения приводят к двум выводам более общего характера. Растущая интенсивность общественных отношений создает соответствующий политико-правовой запрос. Правопорядок более не может ограничиваться формально-юридическим пониманием концепций, например, абсолютных прав, если такое понимание препятствует эффективной защите

благ и влечет явную несправедливость. Проблемы, связанные с пониманием природы чистых экономических потерь, наглядно иллюстрируют эту проблему. В связи с этим формальная узость понимания права должна быть преодолена.

При более подробном рассмотрении устойчивые и повсеместно используемые дефиниции могут оказаться неточными. Так, утверждение, что чистые экономические потери не являются следствием нарушения абсолютных прав пострадавшего, не выдерживает критики при более широком подходе к категории абсолютных прав, обоснованном в этом параграфе.

4.4.3. Вина

Вина - последний элемент юридического состава, подлежащий рассмотрению. В отличие от причинно-следственной связи и противоправности вина в силу субъективного характера не позволяет делать выводы о правовой природе чистых экономических потерь, но имеет значение применительно к допустимости их компенсации в отдельных случаях.

По поводу этого вопроса в развитых правовых системах сложился консенсус. По общему правилу все правовые системы признают необходимость компенсации чистых экономических убытков, причиненных умышленно, в случаях, если поведение причинителя можно рассматривать в качестве упречного, противоречащего добрым нравам или общественному порядку <1>. Так, осознанная интенция субъекта на причинение финансовых потерь другому лицу подлежит наказанию, несмотря на все сложности, связанные с определением нарушенного права, установлением причинно-следственной связи и прочими особенностями, характеризующими чистые экономические потери. Это связано с тем, что правовой порядок не может поощрять откровенный оппортунизм, обман и любые осознанные попытки причинения вреда другим членам общества, даже если этот вред сугубо экономический.

<1> Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 9.

Допустимость возмещения чистых экономических убытков лицом, которое повлекло их своим неосторожным поведением, - ключевой вопрос рассматриваемой проблематики. Помимо научного интереса, связанного с установлением правовой природы явления, его соотношением с другими институтами гражданского права, указанный вопрос касается интереса практического. Должны ли неосторожно причиненные чистые экономические убытки подлежать возмещению и в каких ситуациях? Тот или иной ответ автоматически затронет более глубокие проблемы, связанные со стандартами поведения в обществе и допустимой степенью небрежности к иным членам человеческого общежития.

Озвученные проблемы, а также риски, связанные с тем или иным ответом на поставленный вопрос, отражены в известной фразе Р. Иеринга: "Только задумайтесь, к каким печальным последствиям мы придем, если каждому можно будет предъявить деликтный иск не только в случае обмана (**dolus**), но и грубой неосторожности (**culpa lata**). Одно неосторожное замечание, подхваченный слух, ложное сообщение, дурной совет, необдуманное решение, рекомендация недостойной служанки ее бывшими хозяевами, ответ на вопрос прохожего об адресе или времени и т.д. - словом, все это при наличии грубой неосторожности повлечет за собой обязанность возместить причиненный ущерб, даже если действия причинившего носили добросовестный характер..." <1>.

<1> Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 601.

Подобные опасения как раз и вызвали существование и развитие идеи, в соответствии с

которой в отношении чистых экономических убытков, причиненных по неосторожности, действует общее правило о недопустимости их компенсации (**exclusionary rule**) <1>. Следующий раздел работы посвящен вопросу целесообразности применения этого правила, а также анализу аргументов, лежащих в его основании.

<1> См. [сн. 1](#) на с. 158.

5. Компенсация чистых экономических убытков

Вопрос допустимости возмещения чистых экономических потерь актуален в большинстве правовых систем <1>. Основной спор касается случаев неосторожного причинения вреда. Многие годы высказываются позиции о необходимости отказа в возмещении (**exclusionary rule**). В пользу такого решения приводятся аргументы исторического, политико-правового и формально-юридического характера <2>.

<1> Так, в соответствии с компаративными исследованиями возмещение неосторожно причиненных чистых экономических убытков принципиально допускается в Японии, Квебеке, Хорватии, Франции, Бельгии, Испании, Италии и Греции. Все остальные европейские государства, а также США и Канада содержат те или иные законодательные ограничения. См.: Bussani M., Palmer V.V. *The Notion of Pure Economic Loss and its Setting*; Palmer V.V., Bussani M. *Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law*.

<2> Основные формально-юридические аргументы в этой области связаны с ограничительным толкованием понятия абсолютных прав. Альтернативный взгляд на указанную концепцию был предложен мной в [§ 4.4.2](#).

Несмотря на распространенность ограничительного подхода, аргументы, высказываемые в его пользу, как минимум вызывают вопросы. В связи с этим в настоящем разделе я проанализирую позиции сторонников **exclusionary rule** и постараюсь выявить их недостатки.

5.1. Исторический анализ

Среди специалистов по деликтному праву популярна позиция о том, что правило об отказе в компенсации неосторожно причиненных чистых экономических потерь обусловлено исторически. Утверждается, что ограничительный подход к допустимости их возмещения - следствие европейской цивилистической традиции.

Так, известный компаративист Х. Кетц (Hein Kötz) отмечает, что в качестве первичной цели право всегда преследовало защиту от посягательств на личность и материальную собственность, в связи с этим компенсация чистых экономических убытков не получила должного исторического развития <1>.

<1> Kötz H., *Rebels* Z.P. 428. Цит. по: Palmer V.V., Bussani M. *Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law*. P. 39.

Канадский специалист по деликтному праву Б. Фельдтузен (**Bruce Feldthusen**) подчеркивает, что правила деликтной ответственности, основанные на концепции предвидимости, создавались в целях компенсации физического ущерба. В связи с тем, что они являются продуктом исторического развития, такие правила не адаптированы под современную проблему

компенсации чистых экономических убытков <1>.

<1> Feldthusen B. Economic Negligence. 2nd ed. Scarborough: Carswell, 1989. P. 10 - 11. Цит. по: Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law. P. 39.

Констатация многолетней практики принципиальной недопустимости компенсации чистых экономических потерь может послужить важным аргументом для выбора той или иной модели их возмещения на современном этапе. В связи с этим я проанализирую историческую эволюцию правил о компенсации причиненного вреда на европейском континенте.

5.1.1. Право Древнего Рима

Рассматривая историческую традицию, лежащую в основе современных европейских правопорядков, целесообразно начать анализ с текстов римских юристов. Именно римское право представляло собой эталон нормативного регулирования, используемый в странах континентальной Европы. В некоторых правопорядках нормы римских текстов подверглись существенной переработке в результате интерпретации и комментирования, а в некоторых - применялись напрямую вплоть до начала XIX в. <1>.

<1> Покровский И.А. История римского права. М.: Статут, 2004. С. 164 - 167.

Источник, представляющий интерес в контексте рассматриваемой проблемы, - Аквилев закон (**lex Aquilia**), плебисцит 286 г. до н.э., который заменил действовавшие до него архаичные Законы XII таблиц и некоторые другие правовые акты, установив ответственность за противоправное нанесение ущерба (**damnum iniuria datum**) <1>. Этот деликт имеет важное значение для исторического анализа по двум причинам. Во-первых, он является наиболее близким к регулированию современных деликтных обязательств <2>. Во-вторых, для ответственности по **lex Aquilia** не требовалось, чтоб вред был нанесен умышленно (**dolo**); было достаточно и простой небрежности (**culpa levis**) <3>.

<1> См.: Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990. P. 953; Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1996. С. 555.

<2> Тузов Д.О. Внедоговорные обязательства (из курса лекций "Римское частное право", Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет, кафедра гражданского права. 2014 - 2019).

<3> Покровский И.А. Указ. соч. С. 264.

Lex Aquilia имел трехзвенную структуру. Первая часть закона устанавливала ответственность за противоправное лишение жизни раба или пасущегося животного <1>. Третья часть содержала общую оговорку о недопустимости причинения ущерба имуществу путем поджога, поломки или разбивания <2>. Указанные нормы отражают классический подход, обеспечивая охрану исключительно материальных благ.

<1> Zimmermann R. Op. cit. P. 957.

<2> Ibidem.

Особый интерес представляет вторая часть закона, касавшаяся ответственности **adstipulator'**a, причинившего вред **stipulator'**у недолжным прощением требования. Указанная ситуация имела место в случае, когда основной кредитор по обязательству (**stipulator**) назначал кредитора добавочного (**adstipulator**). Такой добавочный кредитор имел право предъявлять иски к должнику, получать платежи, а также прощать долг. Иными словами, он являлся для должника таким же кредитором, как **stipulator**. В основном институт **adstipulatio** выступал альтернативой процессуальному представительству, в связи с чем **adstipulator** был обязан действовать исключительно в интересах главного кредитора <1>. В тех случаях, когда **adstipulator** нарушал указанное правило и посредством **acceptilatio** прощал долг во вред основному кредитору, тем самым лишая его требования к должнику, **adstipulator** подлежал деликтной ответственности <2>.

<1> Покровский И.А. Указ. соч. С. 245.

<2> См., например: Дождев. Д.В. Указ. соч. С. 555.

Очевидно, что ни личность, ни собственность кредитора не пострадали. В результате утраты права требования уменьшилось лишь его финансовое состояние. Таким образом, вред, подлежащий компенсации в соответствии со второй частью Аквилея закона, используя современную терминологию, можно отнести к разновидности чистых экономических потерь <1>.

<1> Аналогичная характеристика второй части Аквилея закона приведена в работе: Zimmermann R. Op. cit. P. 958.

Несмотря на то что иски, основанные на второй части **lex Aquilia**, перестали применяться уже в классическую эпоху <1>, дальнейшее развитие римского деликтного права продолжает демонстрировать постепенное расширение сферы защищаемых интересов.

<1> Вместо основанного на второй части Аквилея закона **actio legis Aquiliae** компенсация причиненного таким образом вреда достигалась за счет **actio mandati** (иска из договора поручения).

В силу строго формального характера римского права первая и третья части Аквилея закона изначально применялись весьма узко. Так, чтобы получить защиту посредством иска из третьей части, предусматривавшей неприкосновенность имущества, истец должен был доказать, что понесенный им ущерб был причинен непосредственными физическими действиями ответчика, который поджег (**urere**), разбил (**fraugere**) или поломал (**rumpere**) имущество <1>. Из-за этих формальных правил не подлежал компенсации вред, причиненный в случаях, когда одежда была загрязнена, корабль затоплен, мул травмирован вследствие его перегрузки и пр. <2>. Осознавая сложившуюся несправедливость, римский юрист Цельс посредством интерпретации приравнял глагол "ломать" (**rumpere**) к глаголу с широким значением "портить, ухудшать" (**corrumpere**). В итоге не охраняемые ранее интересы получили защиту <3>.

<1> Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 600 - 601.

<2> См.: Ulp. D. 9, 2, 27, 18; Ulp. D. 9, 2, 27, 24; Ulp. D. 9, 2, 27, 23. Цит. по: Zimmermann R. Op. cit. P. 985.

<3> Zimmermann R. Op. cit. P. 984.

Несмотря на постепенное отступление от формального подхода, новое толкование третьей части **lex Aquilia** по-прежнему не гарантировало охрану всех групп интересов, нуждающихся в таковой. Так, **corrumpere** в классическую эпоху считалось отсутствующим, если вещь в результате воздействия не была подвержена физическому изменению <1>. Вследствие этого вред, вызванный, например, тем, что недоброжелатель подбросил семена сорняка в плодородные посеы или смешал крону с песком, не мог быть компенсирован посредством **actio legis Aquiliae**.

<1> Zimmermann R. Op. cit. P. 986.

Указанные особенности римского правоприменения требовали дальнейшей либерализации деликтной защиты. С одной стороны, появились преторские иски (**actiones in factum**), которые применялись в случаях, когда конкретные фактические обстоятельства причинения вреда не соответствовали буквальному тексту закона. С другой стороны, получили развитие производные иски (**actiones utiles**), благодаря которым право на защиту было дано лицам, не являвшимся собственниками поврежденного имущества (узупруктуарий, залогодержатель, арендатор и пр.) <1>. В некоторых случаях такие иски допускали компенсацию и чистого экономического ущерба.

<1> Подробнее об **actio in factum** и **actio utilis** см.: Zimmermann R. Op. cit. P. 993 - 997.

Таким образом, складывается очевидный тренд. Сфера деликтной ответственности в древнем и классическом римском праве постоянно расширяется, что обусловлено несправедливостью, вызванной правовыми пробелами в условиях усложнения торговых отношений. Постепенное усиление инструментария деликтной защиты приводит к тому, что некоторые случаи чистых экономических убытков подлежат возмещению еще в древности.

Однако сфера действия Аквиліева закона не ограничивается римским правопорядком. Так, в классический период первая и третья части Аквиліева закона были процитированы в комментариях Гая и Ульпиана, а впоследствии интегрированы в **Corpus juris civilis** <1>. В результате указанные положения попали в свод правовых норм, определивший многовековую историю правового развития на всем европейском континенте.

<1> См.: Gai. D. 9, 2, 2 pr.; Ulp. D. 9, 2, 27, 5. Цит. по: Zimmermann R. Op. cit. P. 953.

5.1.2. Европейское право до периода кодификаций

Нет необходимости подробно останавливаться на анализе отдельных европейских правопорядков. С одной стороны, это существенно увеличит объем работы и уведет нас от основного предмета исследования. С другой стороны, этого не требует выбранная методология. Основная цель - определить общий тренд деликтной защиты в исторической перспективе. Склонялось ли раннее европейское правоприменение к ограничению деликтной ответственности и, следовательно, к принципиальному отказу в возмещении чистых экономических потерь?

Как известно, падением Римской империи действие римского права не прекратилось. На европейском континенте начался масштабный процесс рецепции. Римские правовые нормы комментировались, подвергались изменению и интерпретации, приспособлялись под особенности национальных систем <1>. На основе римских источников создавались новые кодификации.

<1> Покровский И.А. Указ. соч. С. 164 - 167.

Аквилев закон также продолжал применяться, но уже в измененном виде. Сфера деликтной защиты неуклонно расширялась. Многие юристы Средневековья и периода Ренессанса утверждали, что истец имел право на компенсацию в случае, если ему был причинен ущерб <1>. Под ущербом в свою очередь понималось негативное воздействие на **patrimonium** (сферу имущественных интересов) <2>. Подтверждением указанного подхода являются юридические памятники рассматриваемого периода. Многие из них содержат примеры компенсации чистых экономических потерь.

<1> Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? // Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. P. 28.

<2> Значение указанного термина см. в сн. 3 на с. 159.

Так, средневековый юрист Г. Дюран (**Durandus**) приводит следующий пример <1>.

<1> Durandus, Speculum iuris (Basil, 1574) lib. iv, par. iv, De iniuriis et damno dato, § 2 (sequitur), no. 15. Цит. по: Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? P. 29.

Пример: А (нарушитель) оставляет мусор напротив дверей субъекта В. В результате этого В вынужден заплатить штраф в пользу публичной власти за нарушение нормативного акта, регулиującego уборку придомовых территорий. Убытки В - чистые экономические.

По мнению **Durandus**, нет никаких препятствий, чтобы В взыскал с А понесенные убытки в размере штрафа.

В свою очередь, постглоссатор Бальд (**Baldus de Ubaldis**), ученик знаменитого Бартола (**Bartolus de Saxoferrato**), утверждает, что в случае разглашения секретарем тайных сведений нанимателя последний может требовать возмещения ущерба, причиненного в результате таких действий <1>. Указанная позиция также получает поддержку в работах XVI в. <2>. В более поздних источниках (XVIII в.) утверждается, что клиент имел право обратиться с деликтным иском к адвокату, причинившему вред вследствие недостаточных навыков <3>.

<1> B. de Ubaldi, Commentaria corpus iuris civilis (Venice, 1577), to Dig. 9.2.41 (vulg. 9.2.42) pr. in fine. Цит. по: Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? P. 29.

<2> U. Zasius, 'Commentaria seu lecturas eiusdem in titulos primae Pandectarum' to Dig. 9.2 no. 1 39, in Opera omnia, vol. 1 (Lyon, 1550, repr. Scientia Verlag, Aalen, Darmstadt, 1966). Цит. по: Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? P. 29.

<3> Lauterbach, Collegium theorico-practici to Dig. 9.2 no. xv; Brunnemann, Commentarius to Dig. 9.2.8 no. 5. Цит. по: Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? P. 29. В современных правовых порядках возмещение подобных убытков достигается посредством договорного требования клиента к адвокату.

Случаи компенсации чистых экономических убытков на рассматриваемом историческом этапе не ограничиваются приведенными примерами и не сводятся к казуистичным исключениям. Так, в XVI - начале XVII в. разработка основных принципов деликтной ответственности была в центре научной дискуссии представителей поздней схоластической юриспруденции <1>. Ученые спорили о возможности требовать компенсации не только за потерю или повреждение наличного объекта, но и за утрату возможности получить благо, ранее не принадлежавшее субъекту. В итоге возобладавшая точка зрения о том, что "потенциальный завтрашний доход имеет ценность уже сегодня", была распространена в Европе в XVII - XVIII вв. благодаря работам представителей естественно-правовой школы, Гроция (**Hugo Grotius**) и Пуфендорфа (**Samuel Pufendorf**) <2>.

<1> Gordley J. Tort Law in the Aristotelian Tradition // Philosophical Foundations of Tort Law / Ed. by D.G. Owen. P. 131.

<2> Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law. P. 30 - 36.

Таким образом, несмотря на отсутствие отдельной категории чистых экономических убытков, их возмещение признается допустимым на протяжении всего докодификационного периода. Невозможность выделить стройную систему защиты исключительно экономического интереса не говорит о принципиальной невозможности его компенсации. В связи с этим правило об отсутствии ответственности за неосторожно причиненные чистые экономические потери не может рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента европейской правовой традиции. Аргумент о том, что **exclusionary rule** есть результат исторической закономерности, не имеет под собой серьезных оснований <1>.

<1> Подробный анализ формирования **exclusionary rule** в германском правопорядке в процессе кодификации представлен в работе: Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? P. 38 - 46. По мнению автора, такое законодательное решение не было рациональным выбором, а явилось "исторической случайностью". В результате того, что германский правопорядок является одним из наиболее влиятельных в Европе, заложенные в нем правила об ответственности за чистые экономические убытки нашли отражение и в других правовых системах.

5.2. Политико-правовой анализ

Отказ в возмещении чистых экономических убытков, причиненных неосторожными действиями, нередко обосновывается с помощью политико-правовых соображений. В этом параграфе я подробнее остановлюсь на основных аргументах такого рода.

5.2.1. Проблема чрезмерного бремени в отношении ответчика

Наиболее распространенное опасение, высказываемое сторонниками ограничительного подхода к возмещению, - чрезмерная нагрузка как на ответчика, так и на судебную систему в целом <1>. Утверждается, что компенсация неосторожно причиненных чистых экономических потерь возлагает на ответчика чрезвычайно высокое бремя, которое несоразмерно проявленной им неосторожности. Указанная диспропорция, по мнению исследователей, достигается в результате того, что сугубо экономический ущерб имеет тенденцию к широкому распространению, затрагивая интересы неограниченного числа третьих лиц. Материальный вред, напротив, менее склонен к масштабируемости в результате того, что он подчиняется законам физики <2>.

<1> Речь идет о так называемой проблеме **floodgates**. В отечественной литературе она обычно упоминается как проблема "открытия шлюзов" или проблема "прорыва плотины". См., например: Туктаров Ю.Е. [Указ. соч.](#) С. 7; Лугманов Р.Р. [Указ. соч.](#) С. 119.

<2> См., например: Fleming J., Jr. Limitations on Liability for Economic Loss Caused by Negligence: A Pragmatic Appraisal // *Vanderbilt Law Review*. 1972. Vol. 25. Iss. 1. P. 45. Цит. по: Parisi F., Palmer V.V., Bussani M. The Comparative Law and Economics of Pure Economic Loss // *Minnesota Legal Studies Research Paper No. 07-18*. P. 12 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=742104.

На первый взгляд между косвенными экономическими и чистыми экономическими потерями действительно существуют большие различия применительно к возможности их мультипликации. Так, ущерб, причиненный автомобильной аварией, так или иначе связан с физически поврежденными объектами. В соответствии с логикой сторонников рассматриваемого аргумента сила притяжения не позволяет такому ущербу распространиться слишком далеко. Напротив, законы Ньютона не действуют в случае, когда рейтинговое агентство неверно оценивает стоимость ценных бумаг компании, в результате чего тысячи третьих лиц несут чистые экономические потери, положившись на ошибочное заключение.

При более внимательном рассмотрении приведенного аргумента становится очевидным, что принципиальная разница между двумя типами ущерба отсутствует. Применяя инструментарий из области физики, исследователи забывают, что право - строго формальная система, которая оперирует не реальными объектами окружающей действительности, а идеальными моделями <1>. В результате, когда речь идет о правовых институтах, в том числе об ответственности, действие физических законов подвергается существенной редукции вследствие особенностей правовой методологии.

<1> Указанная особенность наглядно проявляется, когда, например, вместо оборота вещей говорят об обороте прав и пр.

Чтобы подтвердить указанный тезис, целесообразно вернуться к примеру с автомобильной аварией. Допустим, что водитель одного из автомобилей получил серьезную травму, в результате которой был вынужден всю жизнь пользоваться ножным протезом. Если спустя 10 лет после аварии он из-за неустойчивости, вызванной протезом, запнется и получит дополнительные травмы, то не исключено привлечение к ответственности лица, виновного в аварии, произошедшей 10 лет назад <1>. Аналогичная ситуация может возникнуть, если субъект, в результате аварии попавший в госпиталь, заразится там иной болезнью, требующей дорогостоящего лечения <2>.

<1> Так, в схожем деле немецкий суд привлек к ответственности лицо, причинившее травму, спустя 22 года после происшествия (RGZ 119, 204). Цит. по: Цвайгерт К., Кетц Х. [Указ. соч.](#) С. 605.

<2> Stapleton J. Legal Cause: Cause-in-Fact and the Scope of Liability for Consequences // *Vanderbilt Law Review*. 2001. Vol. 54. Iss. 3. P. 974. Цит. по: Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 17.

Конечно, подобные ситуации малочисленны и характеризуются существенными трудностями в доказывании состава деликтной ответственности, в первую очередь причинно-следственной связи. В условиях отечественного правоприменения юридическая защита в таких случаях, скорее всего, вовсе исключена. Тем не менее приведенные примеры показывают, что размер материального ущерба, как и чисто экономического, не ограничен каким-либо

лимитирующим порогом, вызванным действием физических законов. Возникновение обязательственной связи в силу идеального характера может их игнорировать. В результате аргумент об отказе в компенсации чистых экономических потерь на основе их предрасположенности к увеличению вопреки законам физики не является концептуально верным.

Даже если согласиться с тем, что сугубо экономический ущерб поражает широкий круг субъектов чаще, нежели ущерб косвенный, то по-прежнему не очевидно, на каком основании ответственность в случае неосторожности должна быть исключена. Круг потенциальных истцов или размер причиненного им вреда не могут служить *ex ante* основанием для установления правила о принципиальной недопустимости возмещения. Подобные решения, с одной стороны, не соответствуют охранительной роли права в обществе, а с другой стороны, демонстрируют опасную тенденцию к упрощению, попытке урегулировать все единым правилом, нежеланию проводить социально-экономический анализ и на его основе вырабатывать конкретные критерии.

5.2.2. Проблема чрезмерного бремени в отношении судебной системы

Второй стороной рассматриваемого аргумента является опасение, что допустимость правовой защиты приведет к тому, что судебная система не справится с многочисленными исками, нахлынувшими в результате "прорыва плотины" (**floodgates**) <1>. Это утверждение, несмотря на его распространенность, подверглось активной критике в литературе <2>.

<1> См., например: Santos Silva M. The Draft Common Frame of Reference as a "Toolbox" for Domestic Courts: A Solution to the Pure Economic Loss Problem from a Comparative Perspective. Cham: Springer, 2017. P. 146.

<2> См., например: Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law. P. 28; Benson P. Op. cit. P. 433 - 434.

На мой взгляд, приведенный аргумент также не может рассматриваться в качестве серьезного препятствия к допустимости возмещения чистых экономических потерь. Принимая во внимание, что судебный аппарат является функциональным инструментом для разрешения общественных конфликтов, весьма странно между стремлением к "гражданскому миру" и уменьшением нагрузки на судебную систему выбирать последнее <1>. Такое решение не соответствует природе судебной власти и ее задачам в современном демократическом обществе. В итоге **de lege ferenda** указанный аргумент не выдерживает критики, однако он может отражать серьезные проблемы **de lege lata**.

<1> Здесь уместно привести цитату американского специалиста по деликтному праву **W.L. Prosser**: "Дело права - бороться с правонарушениями, которые этого заслуживают, даже ценой "наплыва исков"; и отказ любого суда в предоставлении защиты на основании того, что это даст суду слишком много работы, лишь жалкое признание в собственной некомпетентности" (Prosser W.L. Intentional Infliction of Mental Suffering: A New Tort // Michigan Law Review. 1939. Vol. 37. Iss. 6 (<https://www.jstor.org/stable/1282744?seq=1>)).

В случае, если суды действительно будут не в состоянии оперативно реагировать на поступающие обращения, существенно увеличатся сроки рассмотрения дел, что однозначно приведет к неэффективности судебной защиты. Однако даже подобный исход не означает, что в компенсации необходимо отказывать. Приспособление судебной системы к нуждам изменяющихся общественных отношений представляется более верным решением. Тем более

современное процессуальное право в состоянии предложить для этого эффективные инструменты - достаточно вспомнить институт коллективных исков, существующий в отдельных правовых порядках. Имеющийся в мировой практике опыт борьбы с массовыми деликтами также демонстрирует, что отказ от возмещения далеко не единственное решение <1>.

<1> Так, имели место судебные разбирательства, в рамках которых сумма исковых требований составляла миллиарды долларов, а количество истцов исчислялось тысячами. Американский опыт подобных споров представлен в работе: Peterson C.H., Zekoll J. Mass Torts // American Journal of Comparative Law. 1994. Vol. 42. Iss. suppl_1. P. 79 - 146.

Таким образом, аргумент о запрете возмещения чистых экономических потерь в связи с недопустимостью возложения чрезмерного бремени на суды и ответчика не имеет определяющего значения. Дополнительно этот довод опровергается тем, что "он не является результатом научного исследования или сравнительно-правового анализа" <1>. Это в свою очередь подтверждается позитивным опытом так называемых либеральных правовых порядков, в которых компенсация чистых экономических потерь по общему правилу допускается <2>.

<1> Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting. P. 18.

<2> Речь идет о правовых порядках таких стран, как Франция, Бельгия, Япония и др. Подробнее о классификации стран на либеральные, прагматичные и консервативные применительно к возможности компенсации чистых экономических потерь см.: Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting; Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law.

5.2.3. Проблема соотношения ценностей

Еще один аргумент, лежащий на стыке философии и экономического анализа, заключается в том, что сугубо экономические интересы не должны подлежать правовой защите в связи с их низкой социальной ценностью <1>. Предполагается, что экономический интерес оценивается в обществе ниже, чем материальное имущество и личные блага. В связи с этим перечисленные ценности не должны защищаться одинаково.

<1> Santos Silva M. Op. cit. P. 146; Dari-Mattiacci G., Schafer H.B. Op. cit. P. 9.

Указанный подход нашел отражение в нескольких международных актах <1>. Так, в п. 1 ст. 2.102 Принципов европейского деликтного права указывается: "... тем шире его защита" <2>. В следующих пунктах приведена иерархия охраняемых законом интересов. В соответствии с ней "жизнь, физическое и психическое здоровье человека, его достоинство и свобода подлежат максимальной защите (**the most extensive protection**)"; "имущественные и личные неимущественные права подлежат широкой защите (**extensive protection**)"; "сфера действия защиты чисто экономических интересов или договорных отношений может быть более ограниченной (**more limited**)" <3>.

<1> См., например, **Principles of European Tort Law (PETL), Principles of European Law - Noncontractual Liability Arising out of Damage Caused to Another (PEL Liab. Dam.)**.

<2> Principles of European Tort Law (2005). Art. 2:102. Protected Interests.

<3> Ibidem.

Дополнительное изучение приведенного аргумента показывает его слабые стороны. Во-первых, предлагаемая иерархия ценностей: личные блага, материальное имущество, экономическое благосостояние - не может быть признана абсолютной. На каком основании интерес собственника в целостности вещи должен оцениваться выше, чем интерес арендатора, который понесет чистые экономические убытки в результате ее разрушения? Почему в случае гибели вещи по вине третьего лица интерес продавца-собственника должен защищаться интенсивнее, чем интерес покупателя-несобственника, который тем не менее уже уплатил покупную сумму? В условиях современного экономического обмена, характеризующегося сложной взаимозависимостью интересов и высокой долей нематериальных активов, градация ценностей не может быть сведена к неизменному трехзвенному перечню <1>.

<1> Слабость аргумента о безусловном приоритете материальных ценностей над нематериальными также прослеживается в работе Х. Коциоля: Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание). С. 216 - 217.

Во-вторых, даже если согласиться с предлагаемой оценкой благ различного типа, то утверждения о том, что чисто экономический интерес менее значим, недостаточно, чтобы обосновать отказ в его защите. Установление правила об отсутствии компенсации чистых экономических убытков будет иметь смысл лишь при условии, что предоставление полноценной защиты чисто экономическим интересам негативно скажется на возможности защиты других, более значимых ценностей <1>.

<1> Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting; Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law. P. 38.

Подобный негативный эффект может быть вызван, например, недостаточностью имущества ответчика для возмещения материальных потерь вследствие того, что все его активы были потрачены на компенсацию причиненных им чистых экономических убытков. Однако такая аргументация снова приводит нас к доводу о чрезмерной нагрузке на ответчика, рассматриваемому в § 5.2.1. И здесь вопрос общественной оценки той или иной категории благ отходит на второй план. Так, если прийти к выводу, что компенсация чистых экономических убытков не окажет негативного влияния на возможность защиты других более значимых интересов, то установление **exclusionary rule** нельзя считать обоснованным.

В итоге рассматриваемый аргумент обладает двумя серьезными недостатками. С одной стороны, с учетом философской природы сложно эмпирически проверить идею различного соотношения ценностей, лежащую в его основании. С другой стороны, он не является самодостаточным. Ограничение компенсации чистых экономических потерь на его основе зависит от других факторов и будет иметь смысл лишь в том случае, если полноценное возмещение чисто экономического интереса ухудшает положение потерпевших от материального ущерба.

Таким образом, ни одно из рассмотренных политико-правовых соображений не является существенным аргументом в пользу установления правила об отказе от возмещения чистых экономических убытков. Несмотря на то что некоторые обсуждаемые проблемы действительно могут иметь значение, они, во-первых, не являются универсальными и проявляются лишь применительно к отдельным случаям компенсации. Во-вторых, чаще всего они могут быть разрешены с помощью специальных правовых инструментов без необходимости принципиального установления **exclusionary rule**.

6. Перспективы взыскания чистых экономических убытков в российском праве

После ознакомления с теоретическими основами учения о чистых экономических потерях целесообразно перейти к вопросу их взыскания на практике. Этот раздел посвящен компенсации чистых экономических убытков в российском праве с учетом актуальных изменений в отечественной судебной практике.

6.1. Общие ремарки относительно механизмов возмещения

Потенциальная возможность взыскания чистых экономических потерь напрямую зависит от того, обладает ли правопорядок необходимыми юридическими предпосылками. Рассматривая чистые экономические потери в качестве финансового ущерба, не связанного с причинением вреда личности или имуществу потерпевшего, а также принимая во внимание инструментальный (технический) характер этой категории, становится очевидным, что компенсация подобного вреда не опосредуется единым правовым механизмом <1>.

<1> Подробное обоснование этого тезиса см. в [разд. 4](#).

Теоретически чистые экономические потери могут возникать в результате:

- действий вопреки норме закона;
- нарушения договора контрагентом;
- иного причинения исключительно экономического ущерба.

В первых двух случаях проблемы допустимости компенсации не возникает. Вред может быть возмещен с помощью ссылки на нарушение объективного права, закрепленного в законе, или договорного иска к контрагенту. Наибольший интерес представляет третья ситуация. Здесь в большинстве правопорядков применению подлежит механизм деликтной ответственности <1>. В связи с этим максимальный интерес в контексте исследования представляют положения [гл. 59](#) ГК РФ.

<1> В некоторых странах, где деликтная защита менее развита, применению подлежат механизмы квазидоговорной ответственности. Подробнее о таких инструментах см. в [§ 6.2.2](#).

6.2. Особенности моделей деликтной защиты: сравнительно-правовой аспект

6.2.1. Краткая характеристика системы генерального деликта (на примере Франции)

В правопорядках континентальной правовой семьи традиционно выделяются две модели деликтной ответственности: модель генерального деликта, наиболее ярко выраженная во французской правовой системе, и модель сингулярного деликта, получившая наибольшее развитие в праве Германии <1>.

<1> Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 602.

В основе французского генерального деликта лежит принцип **neminem laedere** <1> выраженный в общей оговорке о недопустимости причинения вреда <2>. В соответствии с ней правовая защита распространяется на все законные интересы, в результате чего любой виновно причиненный вред потенциально может быть компенсирован.

<1> Borghetti J.-S. The Culture of Tort Law in France // Journal of European Tort Law. 2012. Vol. 3. Iss. 2. P. 176 - 178. Цит. по: Евстигнеев Э.А. [Принцип генерального деликта](#): современное состояние и перспективы применения (часть первая). С. 49.

<2> Указанная оговорка содержится в [ст. 1240](#) ([ст. 1382](#) до реформы обязательственного права 2016 г.) **Code civil**. В соответствии с ней "любое действие, причиняющее вред другому лицу, влечет возникновение у лица, по вине которого указанный вред был причинен, обязанности по его возмещению".

В соответствии с французским подходом ответственность за нанесенный ущерб возникает при наличии следующих условий: вред (**dommage**), причинно-следственная связь между вредом и действиями делинквента (**lien de causalité**), а также вина (**faute**) <1>. Отличительной особенностью модели генерального деликта является отсутствие в составе ответственности условия о противоправности поведения причинителя. Его выделение не требуется в связи с тем, что любое виновное причинение вреда уже составляет нарушение правовой нормы (той самой общей оговорки).

<1> Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 622 - 627.

Таким образом, компенсация чистых экономических потерь в рамках системы генерального деликта является принципиально допустимой. Ответственность за сугубо экономический вред вытекает из общей оговорки о защите любых законных интересов.

6.2.2. Краткая характеристика системы сингулярного деликта (на примере Германии)

Немецкий сингулярный деликт, напротив, характеризуется отсутствием общей оговорки и закреплением в законе перечня благ, при нарушении которых законодатель допускает деликтную ответственность. Так, согласно [§ 823\(1\)](#) ГГУ защите подлежат жизнь, здоровье, свобода, собственность или иное право лица, которому причинен вред. [Параграф 823\(2\)](#) предусматривает ответственность за нарушение закона, направленного на защиту другого лица. [Параграф 826](#) гласит, что возмещению подлежит вред, умышленно причиненный другому лицу способом, противоречащим добрым нравам <1>.

<1> Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 602 - 607.

Как было отмечено выше, возможность компенсации чистых экономических убытков, причиненных в результате нарушения объективной правовой нормы, сомнений не вызывает, в связи с чем [§ 823\(2\)](#) для рассматриваемой проблемы значения не имеет. То же самое можно сказать про [§ 826](#), так как он говорит о компенсации за умышленные нарушения, которая также не вызывает вопросов <1>. Таким образом, наибольший интерес представляют условия применения [§ 823\(1\)](#).

<1> Обоснование этого тезиса см. в [§ 4.4.3](#).

Помимо перечисленных выше условий ответственности сингулярный деликт характеризуется наличием элемента противоправности. Это условие позволяет основывать правоприменительные решения на буквальном тексте закона. Так, ответственность будет иметь место лишь в том случае, если нарушено одно из субъективных прав потерпевшего, перечисленных в [§ 823\(1\)](#) ГГУ.

Несмотря на то что параграф сформулирован в форме **numerus apertus**, под категорию "иных прав" в судебной практике в основном подпадают права, близкие к закрепленным в перечне. Речь идет, например, об ограниченных вещных правах или исключительных правах на объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации <1>. Относительные права традиционно в указанный перечень не включаются <2>.

<1> Лугманов Р.Р. [Указ. соч.](#) С. 129.

<2> [Там же](#).

Таким образом, в рамках модели сингулярного деликта объем интересов, подлежащих судебной защите, изначально ограничен закрепленным в законе перечнем охраняемых благ. Ввиду того что в немецком правопорядке указанный перечень содержит лишь конвенционально признаваемые абсолютные права, можно сделать вывод, что буквальный текст закона не позволяет осуществлять компенсацию неосторожно причиненных чистых экономических потерь.

6.2.3. Краткая характеристика российской модели деликтной защиты

Модель деликтной защиты, принятая в российском правопорядке, занимает промежуточное положение между немецким и французским вариантами. С одной стороны, в [п. 1 ст. 1064](#) ГК РФ, в соответствии с которым "вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред", перечисляются конкретные блага, подлежащие защите: личность, имущество гражданина и имущество юридического лица. Подобная типизация случаев ответственности характерна для модели сингулярного деликта.

С другой стороны, подробное рассмотрение перечисленных благ показывает, что при определенном толковании их содержание охватывает все возможные сферы личной и имущественной неприкосновенности, которым может быть причинен вред. Иными словами, перечень охраняемых благ в силу широкого характера играет роль общей оговорки о недопустимости причинения вреда, характерной для систем генерального деликта.

Предпосылки для понимания [ст. 1064](#) ГК РФ в качестве правила, закрепляющего генеральный деликт, обнаруживаются при интерпретации понятия "имущество". Очевидно, что расширительное толкование позволяет отнести к имуществу не только материальные ценности, но и блага нематериального характера. При таком подходе "причинение вреда имуществу" вполне может охватывать ситуации причинения чистых экономических потерь: уменьшение экономического благосостояния (имущества в широком смысле) потерпевшего без повреждения его личности или материальных благ. Напротив, ограничительное толкование понятия "имущество" в качестве благ, по поводу которых может возникнуть абсолютное право <1>, повлечет невозможность компенсации чистых экономических убытков <2>.

<1> Имеется в виду классический подход к пониманию абсолютных прав, в соответствии с которым их перечень является ограниченным. Подробнее об альтернативном взгляде на концепцию абсолютных прав, при котором проблемы возмещения чистых экономических потерь не возникает, см. в § 4.4.2.

<2> Для ознакомления с примерами ограничительного толкования понятия "имущество" см., например: Агарков М.М. Общее учение об обязательствах и его отдельных видах / Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2012. С 200 - 201; Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015. С. 337.

Таким образом, система деликтной защиты, закрепленная в российском праве, не может быть однозначно отнесена к какой-либо классической модели. Эту особенность также отмечает Р.Р. Лугманов, утверждая, что "формально-юридически можно придерживаться любой точки зрения и быть одинаково правым" <1>. Следовательно, выбор конкретного подхода напрямую зависит от того или иного варианта истолкования правовой нормы.

<1> Лугманов Р.Р. [Указ. соч.](#) С. 139.

Интерпретируя правовую норму и делая выбор в пользу конкретной системы деликтной защиты, необходимо ориентироваться на два основных критерия: формально-юридическую непротиворечивость, а также экономическую эффективность выбранной конструкции. Иными словами, основное значение имеют догматические и политико-правовые соображения. Формально-юридический потенциал расширительного толкования понятия "имущество" следует из [ст. 128](#) ГК РФ, в которой блага, относящиеся к имуществу, во-первых, не ограничиваются материальными, а во-вторых, закреплены в форме открытого перечня. При таком подходе отсутствуют формальные препятствия, чтобы квалифицировать причинение чистых экономических потерь в качестве нарушения имущественной неприкосновенности.

Политико-правовые соображения, на мой взгляд, также свидетельствуют о необходимости сделать выбор в пользу более широкого толкования [ст. 1064](#) ГК РФ и, следовательно, признания конструкции генерального деликта. Сложный характер современных деловых отношений стимулирует правопорядки к расширению сферы правовой защиты <1>. Модель сингулярного деликта слабо приспособлена для решения этой задачи. **A priori** ограниченный круг защищаемых благ создает существенные препятствия для расширения защитной сферы с помощью положений о деликте <2>.

<1> Последовательное обоснование этой идеи см. в [разд. 5](#).

<2> Несовершенство закрытого перечня благ, подлежащих правовой охране, хорошо иллюстрирует цитата Х. Коциоля: "...в сущности это также имеет место и в Германии, так как юристы прикладывают невероятные усилия и иногда используют достаточно иезуитские приемы толкования для того, чтобы распространить защиту на чисто экономические интересы" (Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (начало) // Вестник гражданского права. 2017. N 5. С. 220).

Наглядной иллюстрацией указанной проблемы служит немецкий правопорядок. Положения о деликтной ответственности, закрепленные в [ГГУ](#), в силу их ограниченного характера с большим трудом поддаются расширительному толкованию. В то же время современный товарообмен требует защиты благ, лежащих за пределами [§ 823\(1\)](#) ГГУ. Складывается ситуация, при которой чрезмерно ограниченные нормы о деликтной защите не могут быть адаптированы под нужды развивающегося оборота. В связи с этим расширение правовой защиты в германском

правопорядке было достигнуто за счет внедрения дополнительных квазидоговорных конструкций: договора с охранительным эффектом в пользу третьего лица (**Vertrag mit Schutzwirkung zugunsten Dritter**), а также института возмещения убытков третьего лица (**Drittschadensliquidation**) <1>. Указанные инструменты используются в качестве альтернативы расширения деликтной ответственности, однако до сих пор не получили однозначной положительной оценки со стороны научного сообщества и продолжают подвергаться критике <2>.

<1> Подробнее об указанных институтах см.: Бибилова Е.В. Тезисы к научно-практическому круглому столу "Чистые экономические убытки в российском праве (case-study)" // https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Bibikova.pdf.

<2> Бибилова Е.В. Указ. соч. С. 1, 5.

Положения ГК РФ о деликтной ответственности, по сравнению с немецкими аналогами, более толерантны к конструкции генерального деликта. В связи с этим расширение правовой защиты посредством искусственных квазидоговорных конструкций по немецкому образцу нецелесообразно. Напротив, российский правопорядок содержит базовый набор предпосылок, необходимый для более широкого применения деликтной ответственности. Очевидно, что для полноценного утверждения конструкции генерального деликта и возмещения чистых экономических потерь недостаточно теоретических рассуждений. Необходимо, чтобы предлагаемая интерпретация правовых норм прошла апробацию в судебной практике. Однако уже сейчас можно заключить, что положения российского законодательства о деликтной ответственности не содержат принципиальных возражений против компенсации чистых экономических потерь.

Очевидно, что потенциал отечественной деликтной модели заслуживает дополнительного анализа, который выходит за пределы моей работы. Более подробная характеристика российской деликтной защиты представлена в работах Р.Р. Лугманова и Э.А. Евстигнеева <1>. Авторы обращают внимание на концептуальные особенности российского деликтного права, в том числе вызывающие трудности возмещения чистых экономических убытков. Тем не менее такие недостатки не являются непреодолимыми. Основную роль играет тот факт, что жесткие формально-юридические препятствия для возмещения чистых экономических потерь в российском правопорядке отсутствуют, а экономическая целесообразность расширения сферы деликтной защиты не вызывает сомнений.

<1> См.: Лугманов Р.Р. [Указ. соч.](#); Евстигнеев Э.А. [Указ. соч.](#)

6.3. Актуальные тенденции в российской судебной практике

Долгое время отечественная судебная практика весьма консервативно подходила к вопросу взыскания убытков. Суды устанавливали чрезвычайно высокий стандарт доказывания их размера, а также причинно-следственной связи между нанесенным вредом и действиями причинителя <1>. Положение осложнялось тем, что требование противоправности, закрепленное в п. 1 ст. 15 ГК РФ, толковалось ограничительно и касалось исключительно ситуаций нарушения абсолютных прав. Безоговорочно господствовала позиция, в соответствии с которой обязательственное право не может быть нарушено третьим лицом, не участвующим в относительном отношении <2>. Следовательно, вопрос о деликтной ответственности за подобный вред, относящийся к чистым экономическим убыткам, даже не поднимался.

<1> См., например: Ягельницкий А.А. [Указ. соч.](#) С. 49.

<2> См., например: Суханов Е.А. [Вещное право: научно-познавательный очерк.](#) М.: Статут, 2017; Гражданское право: учебник: В 3 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева. С. 91.

Впоследствии благодаря разъяснениям ВС РФ подходы судов к возмещению убытков стали менее строгими. Закрепление в Постановлениях Пленума ВС РФ [N 25](#) от 2015 г. <1>, а также [N 7](#) от 2016 г. <2> критериев "разумной степени достоверности" в отношении доказывания размера убытков и причинно-следственной связи положительно сказалось на судебной практике. Число решений в пользу удовлетворения требований о взыскании убытков существенно возросло.

<1> [Пункт 12](#) Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".

<2> [Пункт 5](#) Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств".

В таких условиях актуализировался вопрос о дальнейшей либерализации подходов и допустимости компенсации российскими судами чистых экономических потерь. Последние тенденции судебной практики свидетельствуют о постепенном движении в этом направлении. Принимая во внимание, что чистые экономические убытки могут возникать в различных ситуациях, корректнее говорить о появлении судебных решений, позволяющих компенсировать лишь определенные типы чистых экономических потерь. Наиболее распространенные из них - убытки, вызванные интервенцией в чужие обязательственные отношения, чаще всего договорные.

6.3.1. Интервенция в договорные отношения

Под интервенцией в договорные отношения понимается ситуация, при которой лицо, не участвующее в договоре (интервент), осуществляет вторжение в обязательственную связь контрагентов, причиняя им (или одному из них) имущественные потери <1>. Интервенция может проявляться в различных формах, например:

<1> Подробнее см.: Березина Е.А. [Указ. соч.](#)

- уничтожение или повреждение эксклюзивного актива, являющегося предметом обязательства, в результате которого кредитор утрачивает возможность получить надлежащее исполнение;

- причинение вреда здоровью или лишение жизни должника, которые осложняют или влекут невозможность реализации кредитором своего права требования;

- заключение и исполнение договора лицом, уже состоящим в договорных отношениях по поводу этого же актива в случае его эксклюзивности. В результате таких действий предыдущий контрагент лишается возможности получить исполнение, переданное в пользу другого кредитора.

Во всех приведенных ситуациях обязательственная связь между должником и кредитором нарушается в результате действий третьего лица (интервента). В связи с тем, что личность и материальное имущество кредитора не повреждается, но усложняется или становится невозможной реализация его права требования, убытки, возникающие в случае интервенции,

признаются чистыми экономическими.

В российской судебной практике наиболее распространена интервенция в форме двойной продажи одного актива, чаще всего недвижимости или связанного с ней права требования <1>. Недобросовестные действия интервента, направленные на перехват эксклюзивного блага, обещанного другому лицу (кредитору), а также действия должника, по его отчуждению признаются противоправными.

<1> Рассмотрение иных форм интервенции остается за пределами настоящей работы в связи с тем, что одни типовые ситуации не получили достаточного отражения в судебной практике (например, взыскание кредитором долга с лица, причинившего смерть должнику), а по поводу других по-прежнему ведутся дискуссии относительно возможности их квалификации в качестве интервенции (например, дела о субсидиарной ответственности руководителей организаций).

Ситуации двойной продажи получили отражение в нескольких решениях ВС РФ <1>. Не вдаваясь в подробности каждого из дел, я на их основе смоделирую типовой казус, содержащий базовый набор обстоятельств, достаточный для демонстрации подхода, используемого ВС РФ в делах с интервенцией.

<1> См., например, Определения ВС РФ от 9 января 2018 г. [N 50-КГ17-27](#), от 25 января 2018 г. [N 308-ЭС17-14180](#), от 27 марта 2018 г. [N 49-КГ17-35](#) и пр.

Ситуация: А (продавец) заключает с В (покупатель) договор купли-продажи недвижимой вещи. После этого С (интервент), зная о том, что по поводу недвижимости уже заключен договор, предлагает продавцу более высокую цену покупки. А соглашается с более выгодным предложением, передает ранее проданный актив интервенту и осуществляет за ним регистрацию права собственности, тем самым делая невозможным исполнение договора с первым покупателем. В результате В терпит чистые экономические убытки, связанные с утратой возможности приобрести недвижимую вещь <1>.

<1> Очевидно, что предложенный модельный казус не охватывает всех ситуаций, возникающих в судебной практике по схожим делам. Отдельные обстоятельства конкретных дел, безусловно, оказывают влияние на итоговое судебное решение. Тем не менее используемая модель упрощает ознакомление с особенностями общих подходов, принятых в отечественной судебной практике.

Не вызывает сомнений, что недобросовестное вторжение интервента в договорные отношения как минимум несправедливо и заслуживает порицания с точки зрения нравственности <1>. Поведение продавца, передавшего вещь в нарушение ранее заключенного договора, также не может быть признано приемлемым, так как противоречит базовому принципу **pacta sunt servanda**.

<1> См., например: Чупрунов А. Тезисы к научно-практическому круглому столу "Интервенция в чужие договорные отношения" // https://m-logos.ru/img/Tezis_Chuprunov_M-Logos.pdf.

Осознавая несправедливость подобных ситуаций, российские суды защищают интерес

первого покупателя посредством признания сделки по отчуждению актива в пользу второго покупателя ничтожной по правилам ст. ст. 10 и 168 ГК РФ, а также применения последствий ее недействительности. Использование указанных норм приводит к тому, что сделка повторной продажи аннулируется с обратной силой, в связи с чем интервент считается не приобретшим титул на недвижимое имущество. В результате первый покупатель имеет право истребовать обещанную недвижимость в натуре.

Указанный подход не претендует на безоговорочную универсальность в связи с тем, что на практике ситуации часто осложняются дополнительными факторами, некоторые из которых могут препятствовать удовлетворению заявленных требований. Тем не менее на сегодняшний день в российской судебной практике складывается очевидная тенденция, направленная на предоставление защиты кредитору посредством признания сделки между должником и интервентом недействительной <1>.

<1> Чупрунов А. Указ. соч.

Такое решение не является единственным вариантом разрешения споров с интервенцией. Можно допустить подход, в соответствии с которым кредитор по первой сделке имеет право лишь на заявление договорных требований к продавцу. В свою очередь, основная модель защиты в европейских правовых системах - взыскание убытков с недобросовестного интервента с помощью деликтного иска <1>. Сделка между должником и интервентом, напротив, признается действительной и влечет соответствующие правовые последствия: недвижимость переходит в собственность второго покупателя.

<1> Подробнее см.: Березина Е.А. Указ. соч. С. 6 - 58; The Case Studies (National Reporters and Editors Commentary) // Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. P. 362 - 384.

Каждый из вариантов правовой защиты обладает своими преимуществами и недостатками, которые не могут быть подробно изложены в рамках настоящей работы. Вопрос выбора конкретной модели требует отдельного исследования. Тем не менее для того чтобы акцентировать внимание на значении определения преимущественного подхода, целесообразно привести несколько наиболее очевидных различий между рассматриваемыми моделями.

Во-первых, в случае обращения к интервенту с деликтным иском он остается собственником полученной недвижимости. Кредитор по общему правилу вправе рассчитывать лишь на компенсацию убытков, вызванных утратой возможности получить исполнение по договору. Аналогичная ситуация складывается в случае предъявления договорного иска к продавцу. Признание сделки ничтожной, напротив, позволяет первому покупателю истребовать спорную недвижимость в натуре.

Во-вторых, использование договорного иска к продавцу или деликтного иска ко второму покупателю, при которых истец может претендовать лишь на денежную компенсацию, означает, что он вынужден нести риски, связанные с потенциальным банкротством ответчика. При аннулировании сделки интервент, напротив, считается не приобретшим право собственности на спорный объект, в связи с чем в случае его банкротства недвижимость не попадет в конкурсную массу и будет доступна для истребования.

Помимо перечисленных различий от выбора конкретного способа защиты могут зависеть применение специальных сроков исковой давности, использование особых правил о распределении и содержании бремени доказывания, подсудность спора, а также иные факторы, имеющие важное практическое значение.

В случае, если возможность исковой защиты не ограничена притязанием к продавцу, но допускает требования, направленные против интервента (деликтный иск или применение последствий недействительности сделки), такие требования подлежат удовлетворению лишь в случае недобросовестности интервента. Недобросовестность однозначно будет иметь место, когда интервент действовал с умыслом или грубой неосторожностью, т.е. точно знал или не мог не знать о наличии первого договора, а также о том, что его действия приводят к лишению первого кредитора отчуждаемого блага <1>. Напротив, в ситуациях, когда поведение интервента нельзя признать упречным, истребование с него убытков или недвижимости в натуре будет несправедливым и существенно подорвет определенность гражданского оборота. В таких случаях указанные способы защиты применяться не должны, первому кредитору надлежит ограничиться договорным иском к контрагенту.

<1> См., например: Ягельницкий А.А. [Указ. соч.](#) С. 51; Чупрунов А. [Указ. соч.](#) С. 5.

Несмотря на то что отечественной доктрине и судебной практике еще предстоит выработать конкретные критерии защиты в случае интервенции, уже сейчас можно констатировать, что российский правопорядок последовательно движется в указанном направлении. Сам по себе факт допустимости правовой защиты кредитора от недобросовестных действий интервента и лишение последнего возможности использовать "перехваченное" благо свидетельствуют о том, что идея ценности чистых экономических интересов начинает играть все большее значение в российском праве.

6.3.2. Взыскание чистых экономических потерь посредством деликтного иска

Защита чисто экономического интереса в российской судебной практике не ограничивается ситуациями признания недействительной сделки должника с интервентом. В некоторых случаях ВС РФ допускает применение положений о деликтной ответственности, тем самым существенно расширяя функционал деликтных притязаний по сравнению с традиционными представлениями в отечественной науке и судебной практике. Указанный подход нашел отражение в делах "Бомарше" и "Магадан Тест" <1>.

<1> Определения ВС РФ от 22 мая 2017 г. по делу [N А51-273/2015](#), от 11 мая 2018 г. по делу [N 306-ЭС17-18368](#).

Фактические обстоятельства дела "Бомарше": ООО "Бомарше" (застройщик) осуществило отчуждение будущего объекта недвижимости, который по цепочке последовательных сделок был приобретен гражданкой А (покупатель-1). После этого застройщик осуществил очередное отчуждение этого же объекта, который по второй цепочке сделок был приобретен гражданином В (покупатель-2).

По иску гражданки А сделки, направленные на отчуждение квартиры в пользу гражданина В, были признаны недействительными. Право собственности на спорный объект было признано за гражданкой А.

Гражданин В обратился с иском о взыскании покупной цены квартиры к своему непосредственному контрагенту, однако ему удалось взыскать лишь незначительную часть суммы.

В отношении застройщика была инициирована процедура банкротства, а гражданин В обратился с иском о включении в реестр требований кредиторов требования о взыскании

деликтных убытков в размере расходов на приобретение квартиры, аналогичной утраченной в результате двойной продажи, совершенной ООО "Бомарше".

Фактические обстоятельства дела "Магадан Тест": А (предприниматель) приобрел автомобиль по договору выкупного лизинга с В (лизинговая компания). После уплаты выкупной стоимости право собственности на автомобиль перешло к предпринимателю от общества С (продавец), которое впоследствии ликвидировалось.

До приобретения автомобиля индивидуальным предпринимателем общество "Магадан Тест" осуществило сертификацию указанного автомобиля. Выдача сертификата осуществлялась в рамках исполнения договора с бывшим владельцем транспортного средства.

После приобретения автомобиля индивидуальным предпринимателем органы ГИБДД сообщили ему о невозможности использования транспортного средства в связи с несоответствием сертификата.

Проведенная экспертиза подтвердила, что сертификат выдан с существенными нарушениями. Кроме этого, было констатировано, что переоборудование и дальнейшее использование автомобиля для приведения его в соответствие с техническими требованиями невозможны.

Предприниматель обратился с деликтным иском к обществу "Магадан Тест", потребовав возмещения убытков в размере разницы между суммой выкупных платежей по договору лизинга и реальной стоимостью автомобиля, который не может быть использован по назначению.

Главной особенностью обоих дел является то, что они отражают предпосылки полноценного применения в российском праве модели генерального деликта. Ни в одном, ни в другом деле не был причинен вред личности или материальному имуществу истца: действия ответчиков привели к чистым экономическим убыткам.

В деле "Бомарше" такие убытки были вызваны тем, что застройщик, осуществив двойную продажу, создал ложную видимость уполномоченности на стороне субъекта, который впоследствии передал это "ложное право" истцу. В деле "Магадан Тест" чистые экономические потери вызваны действиями экспертного учреждения, которое осуществило неправильную сертификацию в процессе исполнения договора, заключенного с третьим лицом. Допустимость компенсации такого рода убытков с помощью механизма деликтной ответственности свидетельствует о том, что ВС РФ отошел от традиционного понимания сферы деликтной защиты в качестве ограниченной ситуациями нарушения абсолютных прав.

Еще одна особенность рассматриваемых решений связана с тем, что оба истца не состояли в договорных отношениях с ответчиками, однако могли удовлетворить аналогичный экономический интерес и с помощью договорного иска к своим контрагентам <1>.

<1> Ягельницкий А.А. [Указ. соч.](#) С. 51.

Несмотря на то что в деле "Магадан Тест" контрагент истца (продавец автомобиля) был ликвидирован к моменту рассмотрения спора, в деле "Бомарше" истец обращался с требованием к своему контрагенту (продавцу недвижимости) и даже смог взыскать с него малую часть суммы. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что ВС РФ не рассматривает деликтное и договорное требования, направленные на удовлетворение одного экономического интереса, в качестве взаимоисключающих.

Несмотря на допустимость применения обоих защитных механизмов, из рассматриваемых

судебных решений не очевидно, должны ли истцы руководствоваться правилами о субсидиарной ответственности, исчерпывая сперва договорное требование к контрагенту, или же допустимо солидарное заявление обоих притязаний. Как утверждает в литературе, "Верховный Суд даже **obiter dictum** не высказался по поставленному вопросу о соотношении требований, оставив, вероятно, место для дальнейшего развития судебной практики" <1>.

<1> [Там же](#). С. 53.

Рассмотренные решения свидетельствуют о том, что в настоящее время осуществляется последовательное развитие отечественной судебной практики применительно к случаям компенсации чистых экономических потерь. Многообразие ситуаций их возникновения усложняет выработку конкретных критериев возмещения, тем не менее выявленные тенденции однозначно заслуживают положительной оценки. На сегодняшний день очевидны политико-правовые соображения, свидетельствующие о необходимости расширения сферы деликтной ответственности. Развитый деловой оборот однозначно нуждается в признании и компенсации чистых экономических потерь. Компаративный анализ положений российского деликтного права демонстрирует потенциал в удовлетворении указанного запроса, что также находит отражение в актуальной судебной практике.

References

Агарков М.М. Общее учение об обязательствах и его отдельных видах [Agarkov M.M. General Doctrine of Obligations and its Individual Types] (in Russian) / Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2 [Agarkov M.M. Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Statut, 2012.

Белов В.А. [Что такое предвидимость?](#) [Belov V.A. What Is Foresight?] (in Russian) // Law. 2019. No. 3.

Березина Е.А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве [Berezina E.A. Intervention in Contractual Relations in Tort Law] (in Russian) // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников Российской школы частного права. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.В. Егорова, А.А. Новицкой [Contracts and Obligations: Collection of Works of Graduates of the Russian School of Private Law. Vol. 2: Special Part / Ed. by A.V. Egorov, A.A. Novitskaya], Moscow: Russian School of Private Law, 2018.

Бибикова Е.В. Тезисы к научно-практическому круглому столу "Чистые экономические убытки в российском праве (case-study)" [Bibikova E.V. Theses to the Scientific and Practical Round Table "Pure Economic Losses in Russian Law (Case-Study)"] (in Russian) // https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Bibikova.pdf.

Богданов Д.Е. [Анализ правовых подходов](#) к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве [Bogdanov D.E. Analysis of Legal Approaches to Compensation for Pure Economic Losses in Foreign Law] (in Russian) // Journal of Russian Law. 2012. No. 3.

КонсультантПлюс: примечание.

[Учебник](#) "Гражданское право: В 2 т." (том 2) (под ред. Б.М. Гонгало) включен в информационный банк согласно публикации - Статут, 2018 (3-е издание, переработанное и дополненное).

Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. Б.М. Гонгало [Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2 / Ed. by B.M. Gongalo] (in Russian). 2nd ed. Moscow: Statut, 2017.

Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева [Civil Law: Textbook. In 3 vols. Vol. 1 / Ed. by A.P. Sergeev] (in Russian). 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2018.

Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.П. Сергеева [Civil Law: Textbook. In 3 vols. Vol. 3 / Ed. by A.P. Sergeev] (in Russian). 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2017.

Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца [Dozhdev D.V. Private Roman Law: Textbook for Universities / Ed. by V.S. Nersesyants] (in Russian). Moscow: NORMA; INFRA-M, 1996.

Евстигнеев Э.А. [Принцип генерального деликта](#): современное состояние и перспективы применения [Evstigneev E.A. General Tort Principle in Foreign Countries: Modern Position and Prospects of Application] (in Russian) // Civil Law Review. 2017. Nos. 4, 5.

Затонова Д.Ю. [К вопросу о деликтной ответственности](#) судебного эксперта [Zatonova D.Yu. On Tort Liability of a Forensic Expert] (in Russian) // Arbitration Disputes. 2017. No. 3.

Карпетов А.Г. Политика и догматика гражданского права: исторический очерк [Karapetov A.G. Politics and the Dogma of Civil Law: A Historical Review] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2010. No. 4.

Карпетов А.Г. Экономический анализ права [Karapetov A.G. Economic Analysis of Law] (in Russian). Moscow: Statut, 2016.

Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (начало) [Koziol H. Harmonisation and Fundamental Questions of European Tort Law (beginning)] (in Russian) // Civil Law Review. 2017. No. 5.

Коциоль Х. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание) [Koziol H. Harmonisation and Fundamental Questions of European Tort Law (finale)] (in Russian) // Civil Law Review. 2018. No. 1.

Лугманов Р.Р. [Деликтное право как средство взыскания](#) чисто экономических убытков [Lugmanov R.R., Tort Law as a Means of Recovering Pure Economic Losses] (in Russian) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 2.

Покровский И.А. История римского права [Pokrovsky I.A. History of Roman Law] (in Russian). Moscow: Statut, 2004.

Российское гражданское право: [учебник](#): в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е.А. Суханова [Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: General Part... Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights / Ed. by E.A. Sukhanov] (in Russian). 2nd ed. Moscow: Statut, 2011.

Российское гражданское право: [учебник](#): в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / под ред. Е.А. Суханова [Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2: Law of Obligations / Ed. by E.A. Sukhanov] (in Russian). 2nd ed. Moscow: Statut, 2011.

Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук [Rybalov A.O. Problems of Classification of Civil Law Relations: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences] (in Russian). St. Petersburg, 2007.

Синицын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права: сравнительно-правовое исследование: Монография [Sinityn S.A. Absolute and Relative Subjective Rights. General Doctrine and Problems of the Theory of Civil Law:

Comparative Legal Research: Monograph] (in Russian). Moscow: Yurisprudentsiya, 2015.

Синицын С.А. Закрытый перечень абсолютных прав в законодательстве и доктрине некоторых государств континентальной Европы [Sinitsyn S.A. Closed List of Absolute Rights in the Legislation and Doctrine of Some States of Continental Europe] (in Russian) // Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2014. No. 2.

Суханов Е.А. **Вещное право: научно-познавательный очерк** [Sukhanov E.A. Property Law: Scientific and Educational Essay] (in Russian). Moscow: Statut, 2017.

Суханов Е.А. **Сравнительное корпоративное право** [Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law] (in Russian). Moscow: Statut, 2014.

Тамаев Р. Тезисы к научно-практическому круглому столу "Чистые экономические убытки в российском праве (case-study)" [Tamaev R. Theses to the Scientific and Practical Round Table "Pure Economic Losses in Russian Law (Case-Study)"] (in Russian) // https://m-logos.ru/img/spravka_M-Logos_25062018_Tamaev.pdf.

Туктаров Ю.Е. **Чисто экономические убытки** [Tuktarov Yu.E. Pure Economic Losses] (in Russian) // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / под ред. М.А. Рожковой [Losses and the Practice of their Compensation: Collection of Articles / Ed. by M.A. Rozhkova]. Moscow: Statut, 2006.

Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2 [Fleyshits E.A. Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 2] (in Russian). Moscow: Statut, 2015.

Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право [Zweigert K., Kotz H. Comparative Private Law] (in Russian). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2011.

Чупрунов А. Тезисы к научно-практическому круглому столу "Интервенция в чужие договорные отношения" [Chuprunov A. Theses to the Scientific and Practical Round Table "Intervention in Another's Contractual Relations"] (in Russian) // https://m-logos.ru/img/Tezis_Chuprunov_M-Logos.pdf.

Ягельницкий А.А. **О тенденциях судебной практики** по делам об убытках [Yagelnitsky A.A. On Trends in Judicial Practice in Cases of Losses] (in Russian) // Law. 2019. No. 3.

Benson P. The Basis for Excluding Liability for Economic Loss in Tort Law // Philosophical Foundations of Tort Law / Ed. by D.G. Owen. Oxford. Clarendon Press, 1995.

Bussani M., Palmer V.V. The Notion of Pure Economic Loss and its Setting // Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Dari-Mattiacci G., Schafer H.B. The Core of Pure Economic Loss // International Review of Law and Economics. 2007. Vol. 27. Iss. 1.

Gordley J. The Rule Against Recovery in Negligence for Pure Economic Loss: An Historical Accident? // Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Gordley J. Tort Law in the Aristotelian Tradition // Philosophical Foundations of Tort Law / Ed. by D.G. Owen. Oxford: Clarendon Press, 1995.

McBride N.J., Bagshaw R. Tort Law. 6th ed. Harlow; New York: Pearson Education Ltd, 2018.

Palmer V.V., Bussani M. Pure Economic Loss: New Horizons in Comparative Law. London; New York: Routledge-Cavendish, 2008.

Parisi F., Palmer V.V, Bussani M. The Comparative Law and Economics of Pure Economic Loss // Minnesota Legal Studies Research Paper No. 07-18 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=742104.

Peterson C.H., Zekoll J. Mass Torts // American Journal of Comparative Law. 1994. Vol. 42. Iss. suppl_1.

Principles of European Tort Law: Text and Commentary. Wien: Springer, 2005.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nolke et al. // http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf.

Prosser W.L. Intentional Infliction of Mental Suffering: A New Tort // Michigan Law Review. 1939. Vol. 37. Iss. 6.

Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Santos Silva M. The Draft Common Frame of Reference as a "Toolbox" for Domestic Courts: A Solution to the Pure Economic Loss Problem from a Comparative Perspective. Cham: Springer, 2017.

Silverstein E. On Recovery in Tort for Pure Economic Loss // University of Michigan Journal of Law Reform. 1999. Vol. 32. Iss. 3.

The Case Studies (National Reporters and Editors Commentary) // Pure Economic Loss in Europe / Ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990.

Подписано в печать

17.02.2020
